UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00895995 9

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/odesskpogromisam00worl

Les Tueries d'Odessa et la Self-Défense | The Odessa Outrages & Self-Defence
Das Odessaer Blutbad und der Selbstschutz
Prix: 1 fr. = 80 pf. = 1 sh. = 20 cents = 40 kop.

ОДЕССКІЙ ПОГРОМЪ

и

Самооборона

ИЗДАНІЕ
Западнаго Центральнаго Комитета Самообороны
„פועלי ציון"

Librairie Albert Schulz
3, Pl. de la Sorbonne

Paris 1906

ОДЕССКІЙ ПОГРОМЪ
И
САМООБОРОНА

ИЗДАНІЕ

Западнаго Центральнаго Комитета Самообороны

ПОАЛЭ-ЦІОНЪ

Paris 1906

Imprimerie Ch. Noblet, 13, rue Cujas.

Предисловіе.

Кровавыя событія октябрскихъ дней, разыгравшіяся съ особенною яростью на югѣ, представляютъ громадный интересъ не только въ смыслѣ объективнаго изслѣдованія еврейской жизни.

Обстоятельства, сопровождавшія эти кровавыя событія, имѣютъ громадное практическое значеніе для всѣхъ тѣхъ, которые принимаютъ близко къ сердцу дѣло народной самообороны, особенно же для тѣхъ, которые посвятили этому дѣлу много труда и энергіи.

Организація „Поалэ-Ціонъ“ по вопросу о самообороне всегда занимала особое положеніе, рѣзко выдѣлявшее ее изъ ряда другихъ организацій, интересовавшихся тѣмъ же вопросомъ. Тогда какъ другія организаціи смотрѣли на устройство самообороны, какъ на чисто партійное дѣло, которому „постороннія лица“ могутъ только оказывать денежную поддержку, мы всегда смотрѣли на самооборону, какъ на общенародное дѣло, къ которому причастны всѣ безъ исключенія евреи. Устраивая самооборону, мы никогда не ограничивались тѣми кругами, которые находились подъ нашимъ непосредственнымъ вліяніемъ. Напротивъ, мы всегда старались привлечь къ активному участію въ самообороне самыя широкія массы еврейскаго населенія. Въ общенародномъ характерѣ самообороны мы видѣли залогъ ея успѣхъ. Для насъ

всегда было ясно, что въ сконцентрированной открытой борьбѣ самооборона при всемъ своемъ геройствѣ и самоотверженіи никогда не сможетъ устоять противъ вооруженныхъ войскъ, явно принимающихъ сторону громилъ и дѣйствующихъ заодно съ ними. Только повсемѣстность борьбы можетъ выручать насъ при такихъ тяжелыхъ условіяхъ. Необходимо, чтобы громилы повсюду встрѣчали дружный отпоръ, чтобы они на каждомъ шагу наталкивались на вооруженное сопротивленіе. А для этого необходимо организовать въ самооборону все способное носить оружіе еврейское населеніе.

Этотъ взглядъ мы проводили во всей своей литературѣ, во всѣхъ своихъ брошюрахъ и прокламаціяхъ. Еще въ брошюрѣ, посвященной знаменитому гомельскому погрому, когда впервые выступала еврейская самооборона, мы указывали на то, что осязательную пользу самооборона принесетъ лишь тогда, когда реальное содержаніе этого слова вполнѣ будетъ соотвѣтствовать его буквальному значенію. То, что нынѣ существуетъ подъ именемъ самообороны, въ сущности не вполнѣ соотвѣтствуетъ этому названію: не тѣ, которые непосредственно подвергаются нападенію, въ большинствѣ случаевъ защищаются, а только сравнительно небольшая кучка храбрыхъ людей является на защиту другихъ.

Нашимъ идеаломъ было создать дѣйствительную самооборону въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и къ осуществленію на дѣлѣ этого идеала мы стремились по мѣрѣ силъ и возможности.

Въ массѣ стремленія наши всегда и вездѣ встрѣчали сочувствіе, но безучастное отношеніе къ дѣлу такъ называемаго общества и недостатокъ денежныхъ средствъ сильно тормозили нашу дѣятельность, такъ что только въ нѣкоторыхъ городахъ намъ удалось создать нѣчто похожее на дѣйствительную самооборону.

Однако, послѣднія кровавыя событія, воочію показавшія весь ужасъ грозящей намъ опасности, немного открыли глаза нашему обществу, и теперь уже многіе начинаютъ склоняться къ мысли о необходимости всенародной самообороны. Будемъ надѣяться, что наши попытки осуществить на дѣлѣ такую самооборону отнынѣ будутъ встрѣчать всеобщую поддержку, и голосъ нашъ не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Тѣ же кровавыя событія предоставили намъ печальную возможность провѣрить на дѣлѣ справедливость нашихъ воззрѣній на задачи самообороны. Послѣднее обстоятельство побудило насъ послать одного изъ нашихъ товарищей въ главный центръ погромовъ для ознакомленія на мѣстѣ со всѣми пережитыми ужасами, главнымъ образомъ же для выясненія роли и вліянія тамошней самообороны.

Предпринятое обслѣдованіе коснулось одной только Одессы, такъ какъ данными установлено, что общая картина погромовъ во всѣхъ городахъ отличалась большимъ однообразіемъ.

Предлагаемая брошюра, выходъ которой изъ-за полицейскихъ препятствій очень сильно запоздалъ, представляетъ собою докладъ о произведенномъ обслѣдованіи. Данныя его вполнѣ подтверждаютъ справедливость высказанныхъ нами раньше взглядовъ на самооборону, и выводы, къ которымъ товарищъ приходитъ, нами вполнѣ раздѣляются.

Напоминаемъ сочувствующимъ, что на организацію самообороны требуются большія деньги. Просимъ всѣхъ друзей усиленно собирать и деньги извѣстными имъ путями препровождать въ нашъ Центральный Комитетъ. Находящихся же заграницей просимъ посылать свои пожертвованія въ Парижъ, на адресъ

д-ра мед. **Dr. Armand Bernard** (~~5, rue Goethe~~ 9, Rue Gœthe, **Paris**). Съ глубокимъ удовлетвореніемъ вносимъ мы это имя въ списокъ нашихъ сотрудниковъ: д-ръ Бернаръ родной братъ безвременно умершаго Бернаръ-Лазара, одного изъ славнѣйшихъ борцовъ за еврейскую народность и за соціальную эмансипацію рабочаго класса.

Западный Центральный Комитетъ
Самообороны „Поалэ-Ціонъ“.

15 февраля нов. ст., 1906 г.

Одесскій погромъ и самооборона.

Я былъ командированъ Организаціоннымъ Комитетомъ Еврейской Территоріалистической Рабочей Партіи („Поалэ-Ціонъ") съ порученіемъ изучить на мѣстѣ, по разсказамъ участниковъ и очевидцевъ, дѣйствія одесской самообороны въ дни октябрскаго погрома; а также съ тѣмъ, чтобы вывести изъ этого изученія опредѣленную мораль насчетъ того, какъ всего лучше самооборону организовывать и вооружать.

Одесскій погромъ, какъ и всякій погромъ, требуетъ изученія по разнымъ направленіямъ.

Должно разслѣдовать, кто были вдохновители, возбудители, провокаторы и организаторы одесскаго погрома. Эта работа будетъ, по всей вѣроятности, исполнена достаточно удовлетворительно. Значительная часть ея сдѣлана уже и теперь. Во всякомъ случаѣ, юристамъ, которые взялись за это дѣло, удастся съ достаточной опредѣленностью указать общественному мнѣнію, кто именно изъ одесскихъ вершителей судебъ народныхъ достоенъ того, чтобы переодѣться изъ мундирнаго фрака со свѣтлыми пуговицами въ сѣрый халатъ съ тузомъ на спинѣ и совсѣмъ безъ свѣтлыхъ пуговицъ.

Но рядомъ съ этимъ юридическимъ разслѣдованіемъ должно было бы идти и нѣчто другое — изслѣдованіе погрома. Должно изслѣдовать, изъ какихъ, именно, элементовъ состояла та толпа, которая непосредственно громила и за спиной которой или вмѣстѣ съ которой дѣйствовали организаторы ея. Только очень наивные люди вѣрятъ или увѣряютъ, что преступная толпа состояла изъ однихъ солдатъ, переодѣтыхъ или не переодѣтыхъ полицейскихъ, да еще казенныхъ наймитовъ, которымъ платили отъ пятнадцати копеекъ до рубля за день. Люди же не наивные знаютъ и увѣряютъ, что значительная часть толпы состояла изъ людей, въ обыкновенное время, такъ сказать,

граждански благопотребныхъ и къ полиціи никакого касательства не имѣющихъ. Кто же они были такіе? Изъ какихъ слоевъ преимущественно брались? Что ихъ двинуло и какъ двинуло? Вопросы грозные и важные. Какъ на нихъ отвѣтить? Юридическое разслѣдованіе дастъ въ этомъ отношеніи очень мало, хотя и укажетъ отдѣльныхъ виновныхъ, конечно, далеко не всѣхъ. Еще больше, юридическое разслѣдованіе можетъ значительно затемнить этотъ вопросъ, ибо естественно оно главное свое вниманіе устремитъ на то, чтобы прослѣдить участіе офиціальнаго элемента въ погромѣ, такъ какъ офиціальный элементъ преступенъ вдвойнѣ и является поэтому добычей особенно желанной для правосудія.

Для изслѣдованія, какъ мы его понимаемъ, нужны совсѣмъ другіе, не юридическіе, пріемы и методы; и дѣйствовать тутъ должны не юристы, а писатели, журналисты, ученые. Будетъ-ли исполнена эта работа? Если насчетъ юридическаго разслѣдованія можно сказать, что оно уже производится, и, можно надѣяться, будетъ доведено до конца успѣшно и тщательно, — то насчетъ изслѣдованія одесскаго погрома, напримѣръ, можно быть почти увѣреннымъ, что оно произведено не будетъ. Во-первыхъ, не такое теперь время въ Россіи, чтобы удобно было производить изслѣдованія: событія наскакиваютъ на событія, одна буря заноситъ слѣды другой бури. Во-вторыхъ, большинство совершенно не сознаетъ необходимости такого изслѣдованія, видитъ отвѣтъ тамъ, гдѣ имѣется всего только вопросъ, и довольствуется безсодержательными, но звучными словами. Я знаю, правда, что одна очень почтенная еврейски-національная партія рѣшила на своей конференціи произвести подобное изслѣдованіе; были даже ассигнованы суммы, намѣчены изслѣдователи и т. д. Но по той неуклюжей медлительности, съ какой эта партія принялась или, правильнѣе, не принялась еще за дѣло, а только готовится приняться, — по тому, что тутъ каждый день представляется неоцѣнимой потерей, ибо время заметаетъ слѣды, а главное, живыя, непосредственныя впечатлѣнія отъ погрома, — по всему этому я сужу, что изслѣдованіе этой партіей произведено не будетъ, а если будетъ произведено, то поздно и плохо. Впрочемъ, въ интересахъ дѣла я готовъ пожелать себѣ ошибиться.

Одесскій погромъ слѣдуетъ изучить и съ третьей стороны. Что сдѣлала самооборона и какъ сдѣлала? Какія измѣненія слѣдуетъ произвести въ ея организаціи и техникѣ вооруженія? Какія новыя задачи выдвигаетъ этотъ погромъ передъ самообороной? Одесситы заплатили за науку дорогой цѣной крови. Мы, которые этой цѣны еще не заплатили или заплатили мало, должны ѣздить туда, чтобы учиться дѣлу, чтобы, когда пронесутся и надъ нами кровавые дни насилія, оказаться умѣлыми и готовыми. Но самообороннцу, который попадетъ въ Одессу, придется волей-неволей заниматься не только организаціонными и техническими вопросами; ибо для того, чтобы судить о самообороне, необходимо составить себѣ опредѣленное сужденіе и о самомъ погромѣ. Въ моихъ долгихъ странствіяхъ по одесскимъ улицамъ и длинныхъ разговорахъ съ одесскими людьми, мнѣ приходилось часто натыкаться на разные факты, которые такъ и просились въ судебный протоколъ. — Еще больше оказалось необходимымъ произвести на живую нитку и нѣкоторое изслѣдованіе погрома, о которомъ я говорилъ выше, какъ ни казались для этой работы обидно малыми силы одного человѣка, встрѣтившаго, впрочемъ, поддержку нѣкоторыхъ преданныхъ дѣлу бравыхъ товарищей. Разсказать читателю (не злоупотребляя техническими частностями), что я видѣлъ, слышалъ и чему научился въ Одессѣ — такова задача этой работы.

Кто были авторы одесскаго погрома?

На этотъ счетъ двухъ отвѣтовъ быть не можетъ.

Группой одесскихъ юристовъ составляется теперь обвинительный актъ по одесскому дѣлу. Этотъ актъ не офиціальный. Онъ не будетъ читаться секретаремъ въ судебномъ залѣ, но зато будетъ читаться всѣмъ міромъ въ современной прессѣ, гдѣ будетъ скоро опубликованъ. Я имѣлъ возможность получить нѣкоторое понятіе о содержаніи этого акта еще тогда, когда онъ не былъ совсѣмъ готовъ. Ничего, впрочемъ, сенсаціоннаго въ немъ опубликовано не будетъ; но общеизвѣстные факты и преступленія будутъ надлежащимъ образомъ суммированы и квалифицированы. И вотъ преступленія главныхъ дѣйствующихъ лицъ кровавой драмы квалифицированы

будутъ слѣдующимъ образомъ: Нейдгардтъ обвиняется въ организаціи погрома, Каульбарсъ — въ попустительствѣ.

Тутъ необходимо дать нѣкоторую бѣглую характеристику этихъ двухъ рыцарей. Нейдгартъ — это русскій чиновникъ, русскій палачъ, провокаторъ, чиновный негодяй, но все это въ нѣкоемъ европеизированномъ вкусѣ. Удивительный типъ первобытнаго казеннаго палача мы имѣли недавно при Плеве въ лицѣ генерала Валя. Извѣстно, что въ то время, какъ онъ сѣкъ демонстрантовъ въ Вильнѣ, онъ самъ былъ совершенно пьянъ (впрочемъ, это было его обычное состояніе), не только самолично присутствовалъ при экзекуціи, но даже чуть-ли не собственноручно принималъ въ ней участіе. Имѣлъ шершавый и зловѣщій видъ, любилъ топать ногами, непечатно ругаться, рычать звѣремъ; одно слово, былъ палачъ откровенный и безыскусственный. А впрочемъ, на него находили иногда моменты пьянаго добродушія, напримѣръ, въ то время, когда онъ былъ петербургскимъ градоначальникомъ, оказывалъ иной разъ снисхожденіе безправнымъ евреямъ; но вдругъ отличился тѣмъ, что сталъ неумѣренно сѣчь петербургскихъ извозчиковъ, и былъ за то съ мѣста прогнанъ, на время... до новаго назначенія въ Вильну.

Не таковъ Нейдгартъ. Человѣкъ еще сравнительно молодой, не военный, а гражданскій чиновникъ, онъ ни на кого въ Одессѣ ногами не топалъ, скверными словами не ругался, а умѣлъ произносить и дѣлать даже самыя ужасныя вещи съ видомъ галантнымъ и тономъ обязательнымъ. Отъ обязанностей палача никогда, впрочемъ, въ сторону не уклонялся, оставаясь тѣмъ не менѣе всегда при фракѣ и бѣлыхъ манжетахъ внѣшней опрятности. Это сказывалось и въ случаяхъ большого окаянства и малаго. Начнемъ съ малаго. Въ одесскомъ раввинатѣ долго царствовалъ вопреки общему желанію извѣстный негодяй Крепсъ. И вотъ лишь только Нейдгартъ сѣлъ на одесскій престолъ, еврейская община выбрала раввиномъ извѣстнаго сіонистскаго дѣятеля и, во всякомъ случаѣ, порядочнаго человѣка, г. Темкина. Нейдгартъ оказалъ новому избраннику пріемъ самый лестный, даже самъ нанесъ ему визитъ въ гостиницѣ, при чемъ, не заставъ его въ номерѣ, оставилъ въ знакъ почтенія свою визитную карточку, чѣмъ вызвалъ не одну слезу уми-

ленія у одесскихъ еврейскихъ кумушекъ. Но тѣмъ не менѣе сдѣлалъ самые рѣшительные шаги, чтобы Темкинъ въ должности утвержденъ не былъ, и на мѣстѣ остался Крепсъ. Нейдгартъ не кричалъ вродѣ Плеве: утоплю, молъ, революцію въ еврейской крови! а выразился гораздо вѣжливѣе: „если, молъ, ваша молодежь будетъ вести себя неблагонравно, то... за послѣдствія не ручаюсь". И учинилъ самый кровавый даже въ Россіи погромъ. Когда къ нему являлись депутаціи съ требованіемъ прекратить кровопролитіе, онъ заводилъ вдругъ разговоръ сторонкой о томъ, что въ полиціи оклады малые, или о томъ, что на дворѣ погода такая, какой-бы ей быть не слѣдовало... Когда у него просили помощи по телефону, докладывая, что сама полиція поджигаетъ фабрики, онъ не отвѣчалъ отказомъ или грубостью, а только дѣлалъ по телефону-же вѣжливое замѣчаніе, что къ такой-де важной персонѣ, какъ онъ, черезъ посредство электрической проволоки обращаться не надлежитъ. Таковъ Нейдгартъ. Но ему захотѣлось отойти въ пантеонъ исторіи съ чистой репутаціей. Если бы Нейдгартъ былъ хоть немного умнѣе, то при той сравнительной конспиративности, съ какой погромъ подготовлялся, а главное при той небрежности, съ какой одесское общество совершенно не замѣчало этой подготовки, такъ что погромъ явился для него полной неожиданностью, — при всемъ этомъ, говорю я, Нейдгартъ могъ бы уплыть изъ Одессы, обвиняемый въ худшемъ случаѣ только въ личномъ бездѣйствіи, а не организаторствѣ. Но увы! въ послѣдній моментъ у галантнаго джентльмена не хватило выдержки. Онъ вдругъ снизошелъ до того, что, говорятъ, цѣловался на улицѣ съ вонючими хулиганами. А его сообщеніе въ Правительственномъ Вѣстникѣ дышетъ глупостью самой наивной.

Перейдемъ къ Каульбарсу. Это совершенно ординарный русскій чиновникъ. Было ему разъ велѣно изслѣдовать какія-то устья въ Средней Азіи, — изслѣдовалъ. Разъ ему было наказано быть отцомъ народа, а именно: вводить добрые нравы въ Болгаріи и привлекать къ себѣ сердца, для чего требовалось изображать собой добраго пастыря. Долго бился онъ съ болгарами, но вдругъ роли не выдержалъ: онъ обозвалъ на засѣданіи парламента болгарскихъ народныхъ представителей мерзавцами и свинь-

ями, и съ сими словами отбылъ изъ Болгаріи. И этими же словами записалъ свое имя въ болгарской исторіи. Прошло много лѣтъ, и онъ былъ назначенъ однимъ изъ командующихъ арміей противъ Японіи. На этомъ поприщѣ онъ не выказалъ строптивости и оригинальности, какъ генералъ Гриппенбергъ, но выказалъ зато баздарность до того обширную, что этой бездарностью Куропаткинъ захотѣлъ прикрыть свою собственную, такъ что, какъ въ газетахъ писалось, хлопоталъ о привлеченіи къ суду Каульбарса вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими генералами. Очутившись опять въ Одессѣ, Каульбарсъ понялъ по мановенію свыше, что нужно держать ручки въ кармашкахъ, и держалъ ихъ до того истово, что всѣ четыре дня погрома ни разу не показался на улицахъ, жалуясь на простуду. Затѣмъ узнавъ, что за то, что онъ сидѣлъ на своемъ генеральскомъ посту такъ смирно, благонравно и послушно, его обвиняютъ въ какихъ-то ужасахъ — онъ вдругъ заволновался, призвалъ къ себѣ одну депутацію и чуть ли не со слезами сталъ спрашивать: за что, молъ, мои сѣдины позорятся? Я вѣдь только сидѣлъ и не двигался. Мнѣ Нейдгартъ сказывалъ, что евреи нацѣпили царскій портретъ на собачій хвостъ да и погнали собаку съ хвостомъ и портретомъ по улицѣ. И тутъ же заявилъ о своей полной пустопорожности: я-де ни при чемъ. Пусть будетъ новая „казна", не романовская, а революціонная, и прикажутъ мнѣ избивать вороговъ этой новой „казны" — я тогда и готовъ. Послѣ такой генеральской истерики казенная ежевая шкурка опять напруживается. Уже въ то время, когда я былъ въ въ Одессѣ, т. е. черезъ нѣсколько недѣль послѣ погрома, генералъ Каульбарсъ призвалъ къ себѣ журналистовъ и, по старой привычкѣ хмуря брови и сердито топорща усы, заявилъ, что ежели, молъ, не присмирѣютъ, тогда плохо будетъ и т. д. Нѣкоторые поступки Каульбарса во время погрома кажутся странно противорѣчивыми. Напр., въ среду, во второй день погрома, онъ, раскланиваясь съ прошедшей мимо его дворца патріотической манифестаціей, сказалъ нѣсколько словъ, общій смыслъ которыхъ былъ приблизительно таковъ: „патріотствуйте, только не грабьте". А въ четвергъ говорятъ, онъ какой-то слишкомъ настойчивой депутаціи гаркнулъ: „всѣхъ-молъ жидовъ перерѣзать надо". Передавъ по приказу или манове-

нію свыше, начальство надъ своими войсками Нейдгарту и самъ отстранившись онъ, можетъ быть, такъ же не понималъ, что тотъ затѣваетъ съ его войскомъ въ Одессѣ, какъ не понималъ, что затѣваетъ Ояма на поляхъ Манджуріи. А на второй день разсердившись, что къ нему пристаютъ съ какими-то жидами, когда у него гриппъ, могъ выразится, какъ пьяный мужикъ.

Одесскій погромъ провоцировался и организовывался не одинъ день. Нѣкоторые относятъ, и съ большимъ основаніемъ, начало провокаторской кампаніи ко времени объѣзда Херсонской губерніи гр. Игнатьевымъ. Правокаціей дышали нѣкоторыя объявленія Нейдгарта; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она шла совершенно открыто; такъ, въ окрестностяхъ Дальницкой ул. (откуда погромъ начался) уже нѣсколько недѣль передъ погромомъ упорно носился слухъ, что евреи не то выбросили христіанскую служанку изъ окошка въ третьемъ этажѣ, не то отрѣзали ей груди; и это злило и волновало мѣстное христіанское населеніе. Вообще, должно замѣтить, что если въ какой-нибудь мѣстности христіанская прислуга, ссылаясь на какіе-то слухи, начинаетъ упорно требовать у евреекъ-хозяекъ расчета, то это вѣрный признакъ, что въ воздухѣ нависаетъ нѣчто предпогромное. Дѣло въ томъ, что христіанское населеніе относится очень враждебно къ факту службы христіанки у евреевъ, и провокація обыкновенно выбираетъ этотъ, именно, легчайшій способъ возбужденія: то начнутъ разсказывать, что евреи у служанки кровь отцѣживали (дѣло Блондеса въ Вильнѣ), то груди отрѣзали и т. д. На Слободкѣ-Романовкѣ признаки были еще болѣе угрожающіе. Мѣстный полицейскій завѣдующій Кололли за нѣсколько недѣль до погрома говорилъ о немъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ и требовалъ откупа, который ему данъ не былъ. Распространялся и упорно держался также слухъ, что черезъ нѣкоторое время объявится-де нѣкая жидовская свобода, христіанству, конечно, весьма гибельная, и потому нужно устроить такъ, чтобы пришлась эта свобода жидамъ очень солоно.

И вотъ, несмотря на цѣлый рядъ подобныхъ угрожающихъ примѣтъ, слѣдуетъ однако установить тотъ фактъ, что погромъ явился для одесскихъ жителей полнѣйшей неожиданностью. Когда за день до погрома помощникъ пристава Петропавловской части Соколовъ говорилъ своему знакомому, еврею, доктору

г-ну Б.: „О, скоро будутъ бить васъ, много бить!“ — то докторъ не догадался принять эти слова, какъ угрозу, и беззаботно отвѣтилъ: „Мы слышимъ эту пѣсню давно!“ Въ то время, когда погромъ по Дальницкой и на углу Степовой продолжался уже нѣсколько часовъ, въ центрѣ города у университата настроеніе было самое беззаботное: произносились рѣчи, пѣлись пѣсни, развѣвались флаги. Прямо фантастиченъ тотъ фактъ, что еще въ среду, послѣ полудня, когда погромъ уже свирѣпствовалъ почти цѣлыя сутки, въ нѣкоторыхъ частяхъ города о немъ не знали: на Пересыпи и Слободкѣ-Романовкѣ лавки были открыты, и только первая волна набѣгающаго погрома, явившаяся полной неожиданностью, заставила закрыть ихъ; а между тѣмъ отъ Молдаванки, гдѣ погромъ уже развернулся во всей красѣ, до Пересыпи или Слободки можно доѣхать за нѣсколько копеекъ по конкѣ или двугривенный на извозчикѣ.

Чѣмъ же объяснить подобную небрежность и неосвѣдомленность? Этотъ вопросъ я задавалъ всѣмъ своимъ одесскимъ знакомымъ и, признаться, ни отъ кого удовлетворительнаго отвѣта получить не могъ. Одни объясняли это тѣмъ, что погромъ-де былъ организованъ полиціей очень конспиративно, такъ что узнать невозможно было. Но увы! подобному объясненію вѣрить не приходится. Мы знаемъ, каковы полицейскія конспираціи. Ужъ на что конспиративны революціонеры, а и имъ рѣдко удается подготовить какое-нибудь большое уличное выступленіе, въ родѣ демонстраціи, вполнѣ шито-крыто отъ остальной публики. Одесскій погромъ по широтѣ размаха несомнѣнно превзошелъ любую демонстрацію,—и если даже допустить, что одесская полиція менѣе пьяна, а въ пьяномъ видѣ менѣе болтлива, чѣмъ всякая другая полиція, то и тогда не приходится вѣрить въ особую непроницаемость ея обширныхъ приготовленій. Впрочемъ, цѣлый рядъ фактовъ, упомянутыхъ выше, и еще большее число ихъ, приведенныхъ въ газетахъ, убѣждаетъ насъ во вполнѣ откровенной провокаціи со стороны одесской полиціи.

Другое объясненіе было слѣдующее: „мы, одесситы, были такъ заняты всякими другими дѣлами, что намъ было не до того, не до погромныхъ приготовленій“. Признаться, не могу поставить это объясненіе много выше того отвѣта, который послалъ со своимъ адъютантомъ генералъ Каульбарсъ той депутаціи, которая

требовала отъ него мѣръ для предотвращенія убійствъ: „У меня, молъ, гриппъ, собираюсь въ Крымъ, не до васъ.“ Конечно, тѣ грандіозныя событія, которыя потрясали Россію и Одессу въ теченіе первой половины октября, были гораздо значительнѣе генеральскаго гриппа, но, вѣдь, и погромъ больше поѣздки въ Крымъ. — Я лично объясняю себѣ неосвѣдомленность одесситовъ тѣмъ, что не существовало учрежденія, для котораго предпогромныя развѣдки и приготовленія къ нему не являлись-бы дѣломъ побочнымъ, а вполнѣ, такъ сказать, спеціальнымъ. Подобные органы намъ въ будущемъ необходимы, и должны обладать щупальцами настолько тонкими, чтобы чувствовать малѣйшія сотрясенія въ атмосферѣ, а также достаточными средствами и агентами, чтобы въ случаѣ нужды умѣть оповѣстить и поставить на ноги сразу весь городъ.

Картина событій въ самой Одессѣ за послѣдніе дни до погрома представляется по газетнымъ отчетамъ и по разсказамъ очевидцевъ слѣдующимъ образомъ. (Напомнимъ, что все это происходило на фонѣ великой желѣзнодорожной забастовки, которой впродолженіе двѣнадцати дней жила и волновалась вся Россія):

Въ пятницу утромъ, 14-го октября, общая волна возбужденія какъ-то смыла со скамеекъ учениковъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ училищъ, и началась стихійная, никѣмъ не организованная забастовка учащихся. Веселой толпой направились они по улицамъ „снимать“ товарищей. Одинъ изъ участниковъ разсказываетъ, что были въ толпѣ все подростки, не старше семнадцати лѣтъ, потомъ пристало нѣсколько студентовъ и рабочихъ. И вотъ, когда дошли до воротъ женской гимназіи Березиной, изъ этихъ воротъ вылетѣлъ отрядъ городовыхъ, человѣкъ пятнадцать съ надзирателемъ, съ ними и казаки. Это была настоящая засада. Вылетѣли, и стали избивать шашками и нагайками. Одной дѣвушкѣ искромсали всю спину, другую ранили въ бокъ, у многихъ были отрублены пальцы; еще у одной дѣвицы однимъ шашечнымъ ударомъ было отрублено полшляпки и ухо. Съ мѣста избіенія разбѣжавшіеся ученики собрались снова въ университетѣ; къ нимъ присоединились другіе. Была единогласно рѣшена общая забастовка училищъ.

15-го, въ субботу, въ университетѣ происходили грандіозные митинги рабочихъ. Была тоже рѣшена об-

щая забастовка. Произносились горячія рѣчи о вооруженномъ возстаніи; говорилось о томъ, чтобы солдатъ не раздражать, а обращаться съ ними по-братски; передавалось, что среди нихъ есть много сочувствующихъ.

16-го, въ воскресенье, уже съ утра улицы были полны нервной и озлобленной толпой, все больше еврейскихъ рабочихъ. Разсказывалось, что университетъ оцѣпленъ войсками и туда никого не пускаютъ. Толпа безъ дѣла и взволнованно металась по улицамъ. Не находилось организатора, кто бы указалъ толпѣ, что дѣлать. Вчерашнія рѣчи звучали въ ушахъ, и дѣло началось само собой. Въ двѣнадцать часовъ, вслѣдъ за небольшимъ столкновеніемъ съ полиціей, стали останавливать конки и строить баррикады. Это была ужасно веселая, занятная работа. Баррикадъ было много; цѣлые кварталы были оцѣплены ими. На углу Мѣщанской и Успенской были сдвинуты двѣ большія будки, вродѣ газетныхъ кіосковъ, и хорошо скрѣплены. Это была отличная баррикада. На Преображенской баррикаду устроили изъ конокъ, и эта была недурна; на Успенской — изъ бочекъ, наполненныхъ камнями, а сверху наложили балки съ постройки. На Александровской подростки на ура раскачивали желѣзныя рѣшетки бульварчика (онъ еще и теперь безъ рѣшетокъ) и устроили изъ нихъ баррикаду. Это была баррикада ребятишекъ, и тѣмъ не менѣе препорядочная. Впрочемъ, въ нужный моментъ у нея не оказалось защитниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поперекъ улицъ была протянута колючая проволока. За занятной работой озлобленіе толпы какъ-то пропало. Стало просто весело и шумно. Иной разъ являлись полицейскіе, жандармы, отдѣльные казаки; они тихо себѣ пробирались сторонкой, и никто ихъ не трогалъ. Баррикады наводили на мысль о вооруженномъ возстаніи, а между тѣмъ полицейскихъ и казаковъ не только не арестовывали, но даже не обезоруживали. Въ сущности, никто хорошенько не зналъ, зачѣмъ баррикады строятся, и возможно, что къ вечеру, достроивъ ихъ, толпа мирно разошлась-бы по домамъ спать, и полиціи осталось бы только такъ же мирно ликвидировать ихъ. Настроеніе, наконецъ, стало до того яснымъ, что когда въ два часа дня отрядъ казаковъ подъѣхалъ къ Мѣщанской, ихъ привѣтствовали съ баррикады веселыми и доброжелательными криками. Ка-

заки молча отъѣхали. Подъѣхали еще разъ. Раздался провокаторскій выстрѣлъ. И пошла казачья стрѣльба по всей Преображенской. Къ вечеру всѣ баррикады были разобраны; на нихъ пало изъ толпы семь человѣкъ, кромѣ раненыхъ.

Убитые были снесены въ еврейскую больницу. Оттуда они ночью были выкрадены полиціей, чтобы устранить торжественныя похороны. Этимъ событіемъ волновалась Одесса весь понедѣльникъ и первую половину вторника. Въ полдень сталъ извѣстенъ манифестъ о свободахъ.

Уже въ девять часовъ утра можно было видѣть по Пушкинской молодого человѣка, который ѣхалъ съ краснымъ знаменемъ въ трамъ-каретѣ и кричалъ: свобода! Вскорѣ манифестъ сталъ извѣстенъ всему городу, и городъ преобразился. Центральныя улицы были всѣ усыпаны ликующимъ народомъ, шли процессіи, развѣвались красные флаги, пѣлись пѣсни, у думы и университета произносились рѣчи. Въ это же время толпы демонстрантовъ направились на окраинныя улицы: на Малороссійскую, Дальницкую и другія, чтобы принести благую вѣсть окраиннымъ жителямъ.

Съ избіенія одной подобной толпы демонстрантовъ на Дальницкой и начался погромъ. Избіеніе началось въ два часа пополудни, и продолжалось цѣлыхъ два часа; въ четыре часа пополудни изъ трактира Гутманца вышла организованная тутъ же однимъ полицейскимъ толпа громилъ и разнесла табачный магазинъ Ройзмана и Ципинюка. Это была первая разгромленная лавка. Такъ начался погромъ.

Онъ продолжался четыре дня. Онъ охватилъ всю Одессу. Впрочемъ, богатыхъ улицъ, какъ, напр., Дерибасовской, даже Ришельевской, погромъ только слегка коснулся, зато нѣкоторыя улицы, населенныя еврейской бѣднотой, были разгромлены сплошь. Погромъ не походилъ на лавину, которая, уничтоживши все на своемъ пути, направляется дальше и дважды на то же мѣсто не возвращается. Нѣтъ, погромъ почти одновременно происходилъ повсюду, на многихъ улицахъ продолжался всѣ четыре дня. Это показываетъ, какъ велико было число участниковъ его. Погромъ походилъ не на протекающую рѣку, а скорѣе на кипящее и волнующееся на одномъ и томъ же мѣстѣ озеро. И, такъ сказать, общій планъ погрома былъ тоже почти повсюду одинаковъ. Во вторникъ ночью

били стекла и громили лавки; въ среду уже залѣзали въ квартиры; это былъ также день патріотическихъ манифестацій и одиночныхъ убійствъ. Въ четвергъ и пятницу происходили убійства на чердакахъ и въ погребахъ. Видно, что толпѣ нужно было полтора дня буйствовать и пьянствовать, чтобы наконецъ возвыситься до массовыхъ убійствъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ первая толпа громилъ являлась извнѣ, напр., на Пересыпи, а потомъ захватила и мѣстныхъ. Нѣкоторые же улицы и кварталы были въ погромномъ отношеніи, такъ сказать, самостоятельны. Такъ, напримѣръ, на Слободкѣ-Романовкѣ погромъ былъ строго-автономенъ; онъ былъ организованъ мѣстной полиціей, приведенъ въ исполненіе съ помощью мѣстныхъ же силъ, и перебиты были мѣстные евреи; туда изъ города не приходило ни громилъ, ни самообороны, и доселѣ еще въ городѣ имѣютъ малое представленіе о слободкинскомъ погромѣ.

Дать подробное описаніе погрома по улицамъ и кварталамъ, изобразить ежечасное въ теченіе четырехъ дней нарастаніе ужаса и звѣрства, убійства на чердакахъ и въ погребахъ, убійства на улицахъ и крышахъ, драматическіе эпизоды изъ дѣйствій самообороны — все это, конечно, не въ моихъ силахъ. Для этого требовались бы мѣсяцы изученія и разслѣдованій и талантъ какого-нибудь Виктора Гюго или Золя. Можетъ быть, когда-нибудь, во времена лучшія и болѣе спокойныя, найдется кто-нибудь изъ пережившихъ погромъ, скорѣе всего изъ тѣхъ малыхъ ребятъ, которые въ пять или шесть лѣтъ сподобились уже получить тотъ тяжкій житейскій опытъ, который дается только моментомъ ожиданія безсомнѣнной смерти или великими страданіями отъ смертельной раны; можетъ быть, кто-нибудь изъ этихъ малыхъ ребятъ, чьи глаза такъ рано стали серьезны и печальны, и будетъ когда-нибудь тѣмъ великимъ творцомъ, подъ чьимъ перомъ оживутъ кровавые дни ужаса и позора, великаго звѣрства и великой человѣчности; — и книга, въ которой запечатлятся эти дни, будетъ одной изъ ужаснѣйшихъ и безсмертныхъ книгъ еврейства и человѣчества.

Моя задача гораздо скромнѣе: дать нѣсколько картинъ изъ „жизни“, такъ сказать, погрома и самообороны, освѣтить и истолковать ихъ.

Кто были авторы одесскаго погрома?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ совершенно ясенъ: Нейдгартъ, Каульбарсъ и ихъ присные. Если Каульбарсъ и обвиняется только въ попустительствѣ, то онъ похожъ на укротителя звѣрей, который въ то время какъ его спущенные съ цѣпи звѣри услаждались бы человѣчиной, самъ занимался бы созерцаніемъ своихъ ногтей.

Но кто произвелъ одесскій погромъ, т. е. чьи руки непосредственно дѣйствовали во время погрома?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ тоже кажется совершенно яснымъ. Одесскій погромъ произвели войска, полиція и хулиганы.

Что такое войска и полиція — это, дѣйствительно, совершенно ясно. Но хулиганы — что?

Великій Отецъ лжи, для того, чтобы надувать наивныхъ людей, изобрѣлъ одно незамѣнимое средство: растяжимыя, какъ гуммиластикъ, понятія, которыя могутъ одновременно обозначать и много, и мало, и все, и ничего, смотря по произволу и темпераменту говорящаго.

Что такое хулиганы?

Одинъ шестилѣтній мальчикъ, съ которымъ я познакомился въ вагонѣ и который разсказывалъ мнѣ, какъ онъ сидѣлъ съ мамой три дня въ погребѣ и все спрашивалъ ее: „мамочка, они уже идутъ?“ — этотъ мальчикъ растолковалъ мнѣ слово „хулиганы“ слѣдующимъ образомъ: „Хулиганы — это такіе люди, которые никогда не обѣдаютъ и всегда дерутся“.

Признаться, когда я садился въ вагонъ затѣмъ, чтобы ѣздить въ Одессу, я думалъ приблизительно точно такъ же, и все казалось мнѣ совершенно яснымъ. Но когда я пріѣхалъ въ Одессу и пробылъ въ ней всего одинъ день, эта ясность, такъ сказать, омрачилась. Читая одесскія газеты и говоря съ одесскими людьми, я узнавалъ, что вотъ такой-то, молъ, студентъ во время погрома велъ себя неблагонравно, и за это его обзывали хулиганомъ. Итакъ, и студентъ можетъ быть хулиганомъ. Дальше разсказывалось что-то скверное про нѣкоего ректора семинаріи, и онъ тоже попадалъ въ хулиганы. Еще дальше публиковались имена новыхъ хулигановъ: какого-то коночного кучера, извозчика, артельщика, пекаря и т. д. Наконецъ, въ одной соціалдемократической газетѣ — правда, не одесской — я прочелъ приблизительно слѣдующее: „послѣ рѣчи одного изъ нашихъ товарищей три хулигана торжественно пере-

шли къ намъ". Вотъ-те и на! Итакъ, хулиганомъ можетъ оказаться и такая благопотребная личность, которая годится въ „товарищи", и я могу завтра оказаться съ ней на одномъ митингѣ въ рядахъ борцовъ. Нѣтъ, не то! Дѣло что-то неладное. Взятое съ англійскаго слово „хулиганы", перейдя на Русь, потеряло, какъ видно, всякій смыслъ, или, правильнѣе, получило смыслъ всяческій; оно стало не наклейкой для обозначенія извѣстныхъ явленій, а, такъ сказать, заклейкой для того, чтобы заклеить, прикрыть истину. Я не былъ такъ простъ, чтобы для уясненія своихъ недоумѣній обратиться къ представителямъ одесскихъ партій, ибо понималъ, что въ смыслѣ уясненія подобной истины я отъ нихъ дождусь мало хорошаго, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ всякъ будетъ искажать истину въ интересахъ своего толка. Пришлось обратиться къ первоисточнику — завязать непосредственныя связи съ такъ называемыми потерпѣвшими на Молдаванкѣ, отчасти на Слободкѣ и Пересыпи, разспрашивать ихъ, записывать разсказы ихъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ приведены ниже въ первомъ лицѣ и такъ, какъ они мнѣ разсказывались. Впрочемъ, не всегда могу ручаться за отдѣльныя слова или совершенно мелкія детали. Когда кто-нибудь разсказывалъ, какъ убили его отца и мать или какъ избивали его самого, не всегда можно было сидѣть съ карандашомъ въ рукѣ и записывать этотъ разсказъ или просить повторить, чтобы записать точнѣе. Дѣлать нѣчто подобное — это значило бы изображать собой мелкаго комедіанта, отплясывающаго канканъ вокругъ очень большой душевной муки или лужи крови. Вопросы вообще приходилось задавать очень осторожно и деликатно, а иногда и совсѣмъ нельзя было ихъ задавать. Разъ, когда я проходилъ по Балковской улицѣ, мой спутникъ остановилъ меня и указалъ на какую-то проходившую по другой сторонѣ высокую, красивую и блѣдную дѣвушку въ черномъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ.

— Ее разспросить не хотите ли?

— А что?

— Ее изнасиловали на глазахъ у отца и матери.

Признаться, я съ непривычки мгновенно задрожалъ мелкой дрожью по всему тѣлу, хотя на слабость нерновъ пожаловаться отнюдь не могу. Разспрашивать, конечно, не сталъ.

Въ другой разъ я зашелъ на одинъ громадный дворъ въ Третецкомъ переулкѣ. Это былъ одинъ изъ типичныхъ одесскихъ дворовъ, наполненныхъ еврейской бѣднотой. Въ немъ, можетъ быть, было 150 номеровъ. Громадный, онъ былъ со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженъ четырехэтажными домами, раздѣленными на маленькія четырехугольныя клѣтки. Ни одного стекла цѣлаго въ окнахъ, ни одного человѣка, — все представляло картину дикаго, почти фантастическаго разрушенія. На одномъ этомъ дворѣ было убито, говорятъ, до 30-ти человѣкъ. И вдругъ въ одной квартирѣ оказались люди. Это была молодая парочка; они пережили погромъ, спрятавшись въ погребѣ. Я сталъ ихъ распрашивать. Мнѣ отвѣчали неохотно. И вдругъ женщина сказала:

— Да, многіе приходятъ разспрашивать, какъ насъ убивали; а пришелъ бы кто помочь.

Тутъ я сконфузился такъ, какъ не конфузился во всю свою жизнь, и, безъ вины виноватый, постарался убраться скорѣе.

Это, впрочемъ, былъ единственный случай, когда мнѣ отказались отвѣчать. Обыкновенно то, какъ мои спутники рекомендовали меня: „пріѣзжій отъ самообороны“, — открывало предо мной всѣ двери и всѣ сердца. Дѣло въ томъ, что широкая еврейская масса въ Одессѣ питаетъ большое уваженіе и глубокую признательность къ самообороне.

Начало погрома. Погромъ на Дальницкой.

Разсказъ дѣвушки.

„Къ намъ на Дальницкую явились во вторникъ, въ половинѣ второго, демонстранты. Это была очень веселая толпа молодыхъ людей, большей частью, дѣвушки. Было, впрочемъ, нѣсколько студентовъ, одинъ флагоносецъ былъ тоже студентъ. Они шли съ красными флагами и кричали: „свобода!“ Лица смѣялись, голоса были ясные; толпа шла такъ беззаботно, что я увѣрена, у нихъ не только не было никакого оружія, но даже иголки имѣлись только у портнихъ. Въ это время наши хулиганы уже стояли у воротъ и скрежетали зубами“...

— Но позвольте, прервалъ я дѣвушку, какіе тутъ у васъ хулиганы? много ихъ?

— Да всѣ тутъ хулиганы, всѣ другъ друга стоятъ!

отвѣтила дѣвушка съ негодованіемъ. Развѣ честные люди могли бы такъ дѣлать?

— Такъ. Но чѣмъ тутъ занимается главнымъ образомъ населеніе Дальницкой? развѣ воры все?

— Готовы и украсть. А такъ, либо ремесленники мелкіе — слесари, кузнецы, пекари, либо на фабрикахъ работаютъ.

— Хорошо. Я понялъ, что наткнулся на обычное въ Одессѣ явленіе, что собесѣдницей употребляется слово „хулиганы“ не какъ категорія соціальная, а, такъ сказать, какъ категорія этическая, и попросилъ продолжать.

„Они уже у насъ и раньше крѣпко злились“...

— Чего же злились?

— Да все по поводу служанки, которую будто бы изъ третьяго этажа выбросили. Говорили, что жиды-де насъ вырѣзать собираются. Иные такъ и спрашивали маму: „а правда ли, что ваши ружья и бомбы приготовили, чтобы насъ сгубить?“ Она въ отвѣтъ только ахала. И уже раньше заготовлялись — кто дубиной, кто острымъ желѣзомъ, будто бы для обороны отъ насъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы насъ же перерѣзать. И вотъ стоятъ они, сосѣдушки-то наши, каждый у своихъ дверей, кто съ дубиной, кто съ молоткомъ, смотритъ на демонстрантовъ исподлобья и переговариваются между собой. Одни говорятъ: „сейчасъ же бить надо“, а другіе говорятъ: „нѣтъ, нельзя! законъ такой вышелъ, что можно съ флагами ходить“. Между тѣмъ, демонстранты прошли. Шли они такъ до Колонистскаго переулка. И вдругъ слышимъ мы оттуда три выстрѣла, и вся толпа демонстрантовъ стремглавъ бросилась бѣжать назадъ.

— Неизвѣстно, кто стрѣлялъ?

— Нѣтъ, неизвѣстно. Но вѣдь ясно, что не изъ демонстрантовъ: отъ собственнаго выстрѣла не побѣжали бы. Должно быть, полицейскіе провокаторы. Бѣгутъ демонстранты, и вотъ какъ добѣжали первые изъ нихъ до дома Булгакова тутъ вырвались вдругъ, какъ собаки изъ будки, рабочіе изъ пекарни Шаргородскаго и давай гвоздить демонстрантовъ лопатами. Затѣмъ на нихъ набросились и всѣ. Близъ пекарни демонстрантовъ принимали съ лопатами, потомъ изъ рукъ въ руки передавали, и такъ до фабрики Гена, гдѣ ужъ ихъ забивали чуть ли не на смерть.

— Но, позвольте, вѣдь заводъ Гена считается однимъ изъ самыхъ „сознательныхъ“ въ Одессѣ?

— Это другой, что на Пересыпи, а здѣсь на Дальницкой народъ еще весьма неумытый. Били они тѣмъ, съ чѣмъ за работой стояли: молотками, напильниками... Охъ, какъ били! Никогда во всю жизнь не забуду. Цѣлыхъ два часа! И все больше молодыхъ дѣвушекъ. Ихъ таскали за волосы по всей улицѣ отъ Балковской до Степовой".

Какъ я узналъ потомъ, тутъ же произошли первые случаи изнасилованія, въ такъ называемой Балкѣ, подъ мостомъ. Балка — это довольно широкій, глубокій оврагъ, тянущійся поперекъ нѣсколькихъ улицъ, и черезъ который перекинуты два моста.

Въ то время, какъ большинство демонстрантовъ послѣ выстрѣла побѣжали назадъ, нѣкоторые, напротивъ, бросились впередъ. Тамъ они добѣжали до артиллерійскихъ казармъ, гдѣ встрѣтились съ солдатами, разсказали имъ о манифестѣ, о томъ, что теперь-де можно демонстрировать. Нѣкоторые солдаты взялись проводить бѣглецовъ въ городъ Два солдата проводили студента-флагоносца. У фабрики Гена солдатъ съ студентомъ задержали, и неизвѣстно, что съ нимъ сталось. — Описанная выше толпа неистовствовала цѣлыхъ два часа. Вдругъ въ четыре часа пополудни изъ трактира Гутманца, находящагося на углу Степовой и Прохоровской, вышла другая толпа, передъ которой раньше какой-то прохвостъ держалъ рѣчь въ трактирѣ, и начала разбивать табачный магазинъ Ройзмана и Цининюка. Это дало сигналъ къ разгрому по всей Дальницкой. „Тутъ ужъ мы всѣ стали закрывать ставни и прятаться. И такъ продолжалось у насъ всю ночь и потомъ цѣлыхъ трое сутокъ".

— Ну, а убитые у васъ на Дальницкой были?

— Да, были. Изъ демонстрантовъ, кажется, никого, ихъ только калѣчили. А потомъ были убиты Круглякъ и угольщикъ. Ихъ убили уже въ четвергъ.

— Не можете ли разсказать, какъ ихъ убили?

— Да, могу. Тѣмъ болѣе, что моя мать сама видѣла, какъ убили Кругляка, она при этомъ въ обморокъ упала.

— Какъ же она выбралась на улицу, чтобы посмотрѣть?

— Да она не смотрѣть-то выбралась. Она вышла изъ того мѣста, гдѣ мы спрятались, чтобы хлѣба достать у сосѣдки. И вдругъ видитъ — убиваютъ

Кругляка, да такъ и грохнулась. Круглякъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока или больше, человѣкъ довольно состоятельный. Въ началѣ погрома семья его была въ городѣ, а онъ здѣсь. Спрятался онъ у какой-то русской. И вотъ начали войска почему-то обстрѣливать тотъ домъ, гдѣ онъ спрятался. А онъ, должно быть, за два дня страху обезумѣлъ: вмѣсто того, чтобы прятаться дальше, выбѣжалъ на улицу и сталъ кричать: „спасайте!“ Тутъ-то на него наскочила вся толпа. Прижали къ стѣнѣ. Подлетѣлъ къ нему воръ Паскида, облапилъ, обшарилъ, снялъ золотые часы и кошелекъ вытянулъ, а самъ отскочилъ. Подбѣжали два кузнеца и ударили Кругляка заостренными кусками желѣза съ обѣихъ сторонъ въ виски. Онъ такъ и осѣлъ. Затѣмъ толпа добила его пивными бутылками, палками, сапогами; а одинъ кузнецъ вскочилъ ногами на грудь трупа, на бѣлую манишку, и сталъ плясать. Шапка съ козырькомъ на головѣ болтается, а самъ гогочетъ: го-го-го! Подошелъ какой-то русскій, гладенькій господинчикъ, и кричитъ: „сойди съ жидовскаго трупа!“ Разошлись всѣ, а трупъ лежалъ на улицѣ полтора дня, покуда не убрали.

— Такъ, значитъ, Кругляка убилъ не воръ, а кузнецъ?

— Да, не воръ. Да что и говорить о ворахъ! Вѣдь, если говорить правду, то по настоящему они у насъ во время погрома самые либеральные люди были. Вору то что? — ему бы только украсть. Конечно, урожайные для нихъ эти дни были. Но убивать зачѣмъ? Это про пьяницъ обезумѣлыхъ писано, что даже себѣ мало брали, а только разрушали безсмысленно и кровь пили“...

Слова собесѣдницы меня на первый разъ озадачили, но фактъ съ удивительнымъ постоянствомъ повторялся въ разсказахъ всѣхъ жителей одесскихъ окраинъ.

— Да, что говорить о ворахъ! Паскида только часы взялъ — самъ разсказывалъ, и больше ему ничего. А если бы знали, какой еще есть тутъ другой воръ, Ко.,*) ужъ совсѣмъ, право, милый человѣкъ, хоть и воръ. Когда избивали демонстрантовъ, видитъ онъ, — какой-то мужланъ за волосы деретъ дѣвушку, — онъ ему ножъ въ горло и воткнулъ. А во время погрома онъ, право, оберегалъ отъ грабежа.

---

*) Понятно, почему нѣкоторыя имена я стыдливо сокращаю.

Нѣкоторыя вещи послѣ погрома возвратилъ, только золото себѣ взялъ. Теперь онъ самъ говорилъ: „столько набралъ, что хоть въ честные люди пойди или лавку золотыхъ вещей открой“. Да что? — мы всѣ, здѣшніе жители, отъ всего сердца желаемъ ему.

И я, и разсказчица, и всѣ, сидѣвшіе за столомъ, улыбнулись.

— Ну что, а кузнецъ, тотъ, который на груди плясалъ, арестованъ?

— Какое арестованъ! Теперь еще по улицамъ ходитъ и даже послѣ погрома опять желѣзо въ кузнѣ наточилъ.

— Можетъ, вы скажете мнѣ его имя?

— Нѣтъ, не скажу. Боимся, какъ бы не убили за это.

Сколько ни увѣрялъ я, что къ судебному разслѣдованію дѣла не имѣю никакого касательства, мои увѣренія не помогали. Сидѣвшіе за столомъ переглянулись между собой. Я понялъ, что настаивать на вопросѣ значитъ возбуждать недовѣріе къ себѣ, и спросилъ, нельзя ли хоть показать мнѣ убійцу.

— Ну что, это можно. Пріѣзжайте сюда въ семь часовъ вечера — онъ тогда къ своей Еленкѣ ходитъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось потомъ поѣхать посмотрѣть его.

— Ну, а каковъ онъ изъ себя?

— Да ничего особаго. Парень плотный, круглоголовый, глазки маленькіе, самъ пьяный такой и довольно тихій и мрачный всегда. Видно, въ тихомъ омутѣ черти водятся.

— Ну, а какъ убили угольщика вамъ извѣстно?

— Нѣтъ, не знаю, да и никто не знаетъ. Сначала оказалась только его голова, а трупъ нашли на завтра въ помойной ямѣ. Но зато извѣстно, кто его убилъ: всѣ указываютъ на сосѣда, тоже кузнеца. На одномъ дворѣ десять лѣтъ жили. Этотъ, кстати, арестованъ, но по этому ли дѣлу, неизвѣстно.

— Что это у васъ все кузнецы отличались?

— Охъ, и другіе не лучше.

— Вы, конечно, мнѣ имени и второго убійцы не скажете. Ну, а на судѣ вы показали бы на нихъ?

— Нѣтъ, не показали бы.

— А что?

— Боимся.

— Но если бы они были взяты уже въ тюрьму?

— Такъ что жъ? Вѣдь остались бы у нихъ тутъ сватья, братья, друзья, — чертъ ихъ разберетъ.

— Ну, а какъ же вы будете тутъ жить съ убійцами?

— Вотъ видите же, живемъ.

И, дѣйствительно, „жили". На столѣ былъ чай, люди пили его и меня угощали. Да и что имъ было дѣлать? Если не станутъ пить чая, такъ вѣдь это же отъ убійцъ не поможетъ.

— У кого же вы тутъ прятались?

— Да у сосѣда, русскаго одного.

— Хорошій, должно быть, человѣкъ?

— Да, хорошій! Всѣ три дня, что пряталъ насъ, только и твердилъ намъ: „перебить васъ надо, жидовъ! Вы въ нашихъ стрѣляете. Сколько уже перестрѣляли!" Однако, не выдалъ, только плату потребовалъ. Онъ — дѣвушка указала на сидѣвшаго за столомъ молодого человѣка — потомъ матрацъ ему сдѣлалъ за то, что насъ спряталъ.

— Самооборона у васъ работала?

— Въ первый день, уже вечеромъ, она у насъ недалеко отъ угла Степовой съ солдатами перестрѣливалась, а потомъ уже ея не было, — далеко отъ насъ. Вотъ на Госпитальной, Болгарской, гдѣ евреевъ много, тамъ самооборона много сдѣлала. Только разъ ночью въ 12 часовъ прилетѣли къ намъ на извозчикѣ пять человѣкъ — вотъ такъ смѣльчаки! — выстрѣлили нѣсколько разъ въ хулигановъ, грабившихъ табачную лавку, разогнали ихъ и опять уѣхали. И какъ они сюда пробрались да выбрались отсюда — это одному Богу извѣстно. Должно быть, для развѣдки на такую безумную смѣлость рѣшились. Милые люди, себя не жалѣли. И сколько ихъ перебили! Вотъ Клдіашвили бѣдный убитъ (грузинъ, приватъ-доцентъ). Какой это былъ славный человѣкъ, если бы вы знали! Какъ любили его мы всѣ, ученики его, либо просто ходившіе въ университетъ на митинги.

— А сами здѣшніе евреи не оборонялись?

— Гдѣ ужъ тутъ! мало здѣсь нашихъ.

Дальницкая улица ведетъ въ деревню Дальники. Погромъ отъ Дальницкой быстро перекинулся, съ одной стороны, въ городъ, съ другой — въ деревню. Въ Дальники пріѣхалъ городовой пьяный и сказалъ, что исправникъ велѣлъ жидовъ бить. Сперва у евреевъ окна разбили, потомъ сходъ устроили, и послѣ схода разграбили еврейскіе дома. Потомъ опять

устроили сходъ, и послѣ второго схода подожгли дома, гдѣ жили евреи, и даже пограбили тѣхъ крестьянъ, которыхъ обвиняли въ укрывательствѣ евреевъ. Не убили, однако, никого. Теперь крестьяне ѣздятъ въ городъ и жалуются, что напрасно-де отличились — дороже все стало послѣ погрома: жидовъ нѣтъ, покупать не у кого, а свои дерутъ въ три дорога. Послѣ этого разсказа я подумалъ: ужъ не выпишутъ ли крестьяне новыхъ жидовъ къ себѣ въ деревню? И принялся было вычислять, — однако, признаться, безуспѣшно, — сколько пройдетъ времени до новаго погрома и новой выписки

Эпизодъ изъ погрома на Балковской.

Разсказъ молочниковъ.

Въ среду утромъ начали ворота ломать. Одинъ изъ молочниковъ для острастки выстрѣлилъ въ воздухъ. Съ улицы раздались крики: „Это Янкель стрѣлялъ! Янкеля сюда!“ Все мѣстные жители громили: не только знали всѣхъ по именамъ, но даже, что у одного только Янкеля револьверъ есть. Ворота выломали. Всѣ во дворѣ попрятались. Искали, главнымъ образомъ, Янкеля. Онъ забѣжалъ сначала на чердакъ, потомъ съ чердака въ коровій хлѣвъ, тамъ залѣзъ въ наполненное водой корыто, изъ котораго кормятъ коровъ, растянулся въ немъ лицомъ книзу, правда, чуть не задохся, но отъ громилъ спасся. Они не были такъ догадливы, чтобы искать его въ наполненномъ водой корытѣ. Мой собесѣдникъ былъ такъ любезенъ, что, поведя меня въ хлѣвъ, захотѣлъ самъ залѣзть въ корыто и репетировать мнѣ спасеніе брата. Я поблагодарилъ, но отказался отъ этого. Одна женщина, спасаясь, вылѣзла на крышу. Всѣ внизу закричали: „вотъ жидовочка летаетъ!“ Пустили нѣсколько камней, но въ погоню не устремились. Большинство женщинъ и дѣтей спрятались въ погребѣ. Я спустился въ этотъ погребъ. Представьте себѣ цилиндрическую трубу діаметромъ въ полтора аршина, которая ведетъ наискось въ землю, въ каменный погребъ. Спустившись по лѣстницѣ въ этой трубѣ, вы попадаете въ какую-то пещеру подъ землей: это по одесскому называется „миной“. Туда-то въ мину забѣжали женщины и дѣти. Громилы опуститься не смѣли, такъ какъ боялись, что тамъ спрятанъ Ян-

кель съ револьверомъ и что онъ въ нихъ стрѣльнетъ сбоку. И вотъ они стали заваливать ходъ камнями, которые пролетали мимо головъ прижавшихся къ стѣнкѣ женщинъ и дѣтей. Къ счастью, входъ забрасывали не одними камнями, а чѣмъ попало: напримѣръ, бросили туда колеса съ телѣги, въ которой молоко возили, такъ что завалили не плотно, притокъ воздуха былъ достаточный, и разъ ночью удалось выбраться и спрятаться въ иномъ мѣстѣ. Трудной задачей было спасти коровъ. Это было сдѣлано такимъ образомъ: мужчины, между ними Янкель, которому удалось выбраться со двора, вступили въ переговоры съ мѣстными ворами и за 17 руб. сошлись съ ними на слѣдующемъ: чтобы воры спасли коровъ, не давали ихъ рѣзать, но зато выдавали безплатно всѣмъ желающимъ молоко. Такъ оно и было сдѣлано. Мѣстные не-воры выказывали большее ожесточеніе и большее безкорыстіе — хотѣли коровъ непремѣнно зарѣзать; но ихъ удалось унять. И дѣло вышло почти идиллически: воры кормили коровъ, доили ихъ, но зато съ утра мѣстныя балковскія бабы, конечно, однѣ христіанки, приходили съ ведерками, съ кувшинами, и имъ выдавалось молоко! При дѣлежѣ и за очередь, случалось, дрались: коровы вмѣстѣ всего даютъ 40 ведеръ въ день. Одинъ изъ молочниковъ не удержался, видно, не совсѣмъ полагаясь на попечителей коровъ, сошелъ съ своего чердака и пробрался черезъ улицу, чтобъ провѣдать своихъ коровъ. Вдругъ слышитъ крики: „онъ здѣсь!“ Со страху сдѣлалъ не то, что слѣдовало: выбѣжалъ изъ хлѣва и залѣзъ на крышу — тутъ его замѣтили. Онъ съ крыши соскочилъ на другой дворъ, оттуда на слѣдующій и забѣжалъ къ своему знакомому русскому, дворнику. „Спаси!“ говоритъ. А тотъ отвѣчаетъ: „не могу! самого убьютъ“. Дворникъ переодѣлъ бѣглеца въ мужицкій армякъ и шапку и вывелъ его окольнымъ ходомъ. Вдругъ набѣжали убійцы. „Это онъ! жидъ!“ А дворникъ: — „Нѣтъ, помилуйте, братцы! да вѣдь нашъ!“ — „Врешь! Жидъ!“ Тутъ и дворникъ отступился. И стали бить. Ихъ было нѣсколько десятковъ. Били они заступами и ломами. У избиваемаего потомъ, когда его привезли въ больницу, оказалось двѣнадцать ранъ. Только желѣзная сила спасла его. Одинъ ломъ вошелъ ему въ бокъ на полвершка; онъ схватился за

него рукой и удержалъ его. Онъ вырвался отъ убійцъ и, истекая кровью, прибѣжалъ къ своимъ. Онъ скоро вылѣчился, и, весело и добродушно улыбаясь, силачъ показывалъ мнѣ свои раны на головѣ: она была вся какъ бы исписана бѣлыми струпьями. „И какъ это они меня узнали?“ — удивлялся силачъ: „вѣдь я и на еврея не похожъ“. И, дѣйствительно, лицо совершенно русское.

Въ четвергъ былъ случай провокаціи: вдругъ стали ходить по улицамъ и кричать, что „уже миръ наступилъ“. Нѣкоторые евреи вылѣзли изъ своихъ норъ, и были избиты. Въ пятницу послѣ полудня стало тише.

Удалось сберечь немного молока отъ безплатныхъ кліентовъ, и жена того молочника, который получилъ двѣнадцать ранъ, повезла это молоко въ городскую больницу на Слободкѣ. По дорогѣ на нее не разъ посматривали, но работникъ, русскій, сидѣвшій съ ней, убѣждалъ всѣхъ, что „своя“. У нея тоже, какъ и мужа, лицо почти совершенно не еврейское. — Видитъ она, однако, что дѣло плохо, и думаетъ: спасусь въ больницу. А тамъ ворота заперты. Стала стучать. А за воротами сестрицы милосердныя стоятъ и говорятъ: „не можемъ пустить!“ А вѣдь она туда каждый день привозила молоко, свои люди, знакомые — и все-таки не пускаютъ. Вдругъ наѣзжаетъ нѣсколько молодыхъ крестьянъ верхомъ на лошадяхъ. Это они изъ деревень пріѣзжали въ Слободку грабить. „А, жидовка!“ покрикиваютъ. Она стала стучать сильнѣе — не отпираютъ. Побѣжала она отъ воротъ и взбѣжала на лѣстницу одного близлежащаго помѣщенія. Работникъ хозяйки защищать не сталъ, но лошадей выпрягать не давалъ: „мои!“ говоритъ. Верхомъ на лошади на лѣстницу не полѣзешь. Одинъ парень подъѣхалъ къ лѣстницѣ и снизу кричитъ: „сюда иди, жидовка!“ Она бросила ему сверху свою шаль. Но, затѣмъ, подъѣхалъ другой и говоритъ: „оставь жидовку! что у нея возьмешь?“ Полѣнились даже съ лошади спуститься, чтобы шаль взять, и уѣхали. Послѣ этого гостепріимныя ворота больницы отворились.

Картина разрушенія на дворѣ, гдѣ жили молочники, поражала своей нелѣпостью. Стулья, кровати были изломаны и разрублены топорами на десятки кусковъ; печи были разобраны по кирпичику...

— А что, вы вѣдь знаете своихъ грабителей? спросилъ я.

— Конечно, знаемъ. Мѣстные все жители, сосѣди.

— Вы въ судѣ на нихъ покажете?

— Нѣтъ, не покажемъ. Боимся, да и много ихъ, — бей ихъ чертъ.

При осмотрѣ Балковской мой спутникъ, мѣстный житель, окликнулъ одного десятилѣтняго мальчика.

— Гей, хулиганчикъ, батя дома?

— Дома, отвѣтилъ мальчикъ, оскаблился и побѣжалъ прытче.

— Отчего вы его кличете хулиганчикомъ? спросилъ я.

— Да онъ таковъ и есть. Его отецъ служитъ у моего дяди, и вотъ мальчикъ указалъ, гдѣ спрятались тетя съ дѣтьми. Слава Богу, во время убрались оттуда.

— Ну, и что же теперь?

— Ничего теперь. Мальчика отецъ выдралъ за уши или высѣкъ, а самъ остался служить попрежнему.

— Вы спросили у мальчика, чего это онъ указалъ?

— Чего его спрашивать? Достаточно, если за уши выдрали. Видитъ мальчикъ, что взрослые такъ дѣлаютъ — не быть же ему лучше ихъ.

— А отецъ его громилъ евреевъ?

— Своихъ хозяевъ не громилъ, а дальше неизвѣстно.

Тотъ-же свидѣтель разсказалъ мнѣ, что онъ самъ видѣлъ, какъ на углу Степовой бабы сѣкачками убили семидесятилѣтняго старика. Сѣкачками въ Одессѣ называютъ тяжелые кухонные ножи, въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ, которыми рубятъ мясо. Эти сѣкачки играли выдающуюся роль въ погромныхъ убійствахъ. Старикъ, должно быть, перебирался изъ одного убѣжища въ другое. Вдругъ набѣжали на него бабы и стали бить сѣкачками по головѣ. Старикъ бѣжитъ дробно-прытко, а бабы бьютъ, — такъ, покуда не упалъ въ собственную кровь. При этомъ были офицеръ съ солдатами.

Я не сталъ спрашивать моего спутника, отчего онъ не вступился за старика, ибо зналъ, что не всегда вступаться можно и полезно.

Убійство на Бугаевкѣ.

Въ комнату вошла смуглая дѣвушка, прямая и тонкая. Весь видъ ея — меньше всего повязанная

рука, а именно весь видъ ея — поражалъ сразу, хотя и казалась она снаружи совершенно спокойной. Есть ужасъ двоякій: одинъ бѣгаетъ глазами по сторонамъ — это меньшій ужасъ; другой, большій, упирается глазами въ одну точку. Спокойный снаружи ужасъ. Дѣвушка, какъ вошла, такъ сразу же и сѣла на первый стулъ, положила руки на колѣни и уставилась все въ ту же точку. Ей объяснили цѣль моего прихода.

— Да что? мнѣ что? Я могу разсказать, — начала она сразу какъ-то слишкомъ четко и звонко. И во все время разсказа тонъ былъ такой, и признаться, меня больше всего ужасала это именно какъ-бы непринужденная четкость и звонкость голоса, ясность и послѣдовательность разсказа.

— Да что? мнѣ что? Я могу разсказать все. Это случилось въ пятницу въ 12 часовъ ночи. Мы тогда сѣли чай пить. Самоваръ поставилъ работникъ, русскій онъ былъ у насъ.

Раньше всѣ три дня они прятались. Въ пятницу послѣ полудня погромъ уже прекращался. Въ пятницу ночью сосѣди, русскіе, увѣрили ихъ, что они могутъ идти къ себѣ. Они пошли и сѣли чай пить. И эти же сосѣди, видно, тихо впустили убійцъ, такъ какъ не слышно было, чтобъ они стучались въ коридоръ. Вдругъ раздался стукъ въ дверь и шаги незнакомыхъ людей. Сидѣвшіе за чаемъ попрятались: работникъ отдѣльно, отецъ отдѣльно, мать съ дочерью отдѣльно. Убійцы первымъ дѣломъ открыли мать съ дочерью. Мать ударили топоромъ по головѣ, дочери порѣзали руку. На ихъ крикъ выбѣжалъ отецъ, и его уложили на мѣстѣ. Мать раненую потомъ отвезли въ больницу, дочь отдѣлалась легко — почему? непонятно, какъ и вообще много непонятнаго и загадочнаго во всѣхъ этихъ убійствахъ. Можетъ быть, ее спасло то, что ее почли мертвою, такъ какъ она упала въ обморокъ. Дѣвушка не разсказала мнѣ всего про убійство и, конечно, я не сталъ ея разспрашивать. Она не разсказала мнѣ, что ея матери отрѣзали носъ и удлинили въ обѣ стороны губы на вершокъ, а можетъ быть, не то одно было... Безобразіе всегда поражаетъ стыдомъ. Эти люди, эти невинные, а не ихъ убійцы, будутъ всегда стыдиться того безобразія, которое надъ ними учинили. Эта мать будетъ всегда закрывать старательно платочкомъ свой „недостатокъ“, а дочь, которая четко

и звонко можетъ разсказать, какъ безчеловѣчно, но не безобразно убили ея отца, про это сказать не можетъ слова. О ужасъ, о позоръ!

— Кто были убійцы?

На этотъ разъ это были карманные воры. И тоже сосѣди, нѣсколько лѣтъ рядомъ жили.

— Вы скажете про нихъ слѣдователю?

— Да что? мнѣ что? Я всѣмъ скажу.

Смерть побѣждаетъ страхъ. Въ этой истинѣ я имѣлъ неоднократно случай убѣдиться во время моихъ одесскихъ рысканій. Тѣ, у которыхъ были убиты близкіе люди не боятся называть убійцъ, если только знаютъ ихъ

Убійство на углу Канатной и Успенской.

Корней погрома надо искать на окраинахъ. Вотъ почему въ городѣ имѣютъ такъ много ложныхъ представленій о немъ. Двигался погромъ съ трехъ сторонъ: отъ Молдаванки, отъ Сѣнной площади и отъ собора, гдѣ пьяные патріоты, благословясь иконой и украсясь царскимъ портретомъ, собирались для подвиговъ. Въ четвергъ въ полдень погромная толпа двигалась по Канатной улицѣ, отъ Арнаутской къ Успенской. Впереди шли солдаты съ ружьями, изъ которыхъ иной разъ пострѣливали въ подозрительныхъ лицъ; за солдатами — городовые, за городовыми — громилы съ ломами и топорами; за громилами — ломовые извозчики съ телѣгами, въ которыя клали добро; потомъ бабы и дѣти съ корзинками, а въ качествѣ арьергарда опять солдаты съ ружьями. Повстрѣчались съ отрядомъ самообороны и разогнали его выстрѣлами, потомъ подошли къ углу Успенской. Тутъ недалеко отъ угла сидѣлъ въ крошечной табачной лавкѣ восьмидесятилѣтній еврей.

Этого старика мой одесскій знакомый охарактеризировалъ мнѣ слѣдующимъ образомъ. Это былъ патріархъ, настоящій патріархъ. Хотя въ виду того, что онъ былъ настоящимъ патріархомъ, такъ именно и не подходилъ подъ общераспространенное представленіе о патріархѣ: борода у него была не длинная; можетъ быть, не было много дѣтей; но станъ его былъ удивительной даже для молодого прямоты, грудь выпуклая. Мой собесѣдникъ, бывшій въ Палестинѣ и говорившій по-арабски, разсказывалъ, что только тамъ среди арабовъ онъ видѣлъ такихъ ста-

риковъ, совершенно прямыхъ, стройныхъ и молчаливо гордыхъ. Можетъ быть, тридцать лѣтъ просидѣлъ онъ въ той же лавченкѣ, цѣлые дни все на томъ же мѣстѣ. Зайдетъ покупатель — онъ зналъ своихъ покупателей наперечетъ и вкусы ихъ тоже зналъ — онъ молчаливымъ жестомъ руки протянетъ папиросы, либо „Цыганку", либо „Дивныя", деньги приметъ — и ни слова. Спросишь его о постороннемъ, отвѣтитъ односложно, нахмурится и — молчокъ.

Въ среду всѣ лавки были закрыты, весь городъ въ смертельномъ страхѣ, а у него лавка была открыта. Въ четвергъ утромъ говорятъ ему, что въ городѣ погромъ, чтобъ онъ закрылъ лавку, такъ какъ придутъ и ограбятъ. „Wous wellen sie bei mir nehmen?" (что они у меня возьмутъ) огрызнулся упрямый старикъ, и держалъ свою лавку открытой, несмотря на выстрѣлы кругомъ.

Въ эту лавченку зашло нѣсколько громилъ. „Что вы здѣсь возьмете?" спросилъ старикъ грозно и не подымаясь съ мѣста. — „А вотъ что!" — и его ударили ломомъ по головѣ. Мозгъ брызнулъ, и онъ безъ крика упалъ мертвый. Послѣ этого раздался страшный крикъ: это стали убивать жену старика, старуху его лѣтъ, ростомъ съ шестилѣтняго ребенка. Вдругъ со стороны Успенской раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Громилы оставили старуху недобитой и направились дальше по Канатной.

Выстрѣлы на Успенской были сдѣланы изъ одного двора. Это типичный одесскій дворъ, съ четырехъ сторонъ окруженный громадными домами и съ желѣзными воротами. По этому двору, можетъ быть, сто человѣкъ метались въ смертельномъ ужасѣ: они слышали страшный крикъ старухи-табачницы. Уже смерть была разъ на этомъ дворѣ. Молодой двадцатилѣтній человѣкъ, красавецъ, чистая, прозрачная душа, никогда, кстати, ни къ какой партіи не принадлежавшій и общественными дѣлами, казалось, не интересовавшійся, вдругъ вчера объявилъ своему отцу и матери, что онъ уходитъ въ отрядъ самообороны. Всегда примѣрный сынъ, онъ на этотъ разъ не былъ тронутъ ни упрашиваньемъ, ни слезами, съ которыми его проводили, какъ покойника, — онъ ушелъ со двора, и дѣйствительно скоро сталъ покойникомъ. Недалеко отъ дома, на углу онъ попалъ въ руки полицейскихъ. Ему прострѣлили горло и

пробили пулей бокъ: онъ былъ убитъ дважды. — И по двору метались люди. Тутъ были женщины, дѣти, люди съ сѣдыми бородами... Боеспособныхъ юношей совѣмъ не было. Женщинъ отправили на четвертые этажи; мужчины, — люди съ сѣдыми бородами, — сторожили съ револьверами у воротъ. Приказано было женщинамъ запереться на четвертыхъ этажахъ, но онѣ не захотѣли этого сдѣлать, чтобъ въ случаѣ нужды и мужчины могли легко попасть въ спасительные этажи. Люди метались. И они сдѣлали не то, что нужно было сдѣлать: услышавъ крикъ, выстрѣлили. Это могло ихъ выдать, но, къ счастью, не выдало, а можетъ быть, спасло. Скорѣе же всего ихъ спасъ большой магазинъ, находящійся неподалеку на Канатной. Толпа бросилась грабить его, и такимъ образомъ отвлеклась отъ Успенской.

За нѣсколько минутъ до того момента, когда выяснилось, что на этотъ разъ смерть прошла мимо, въ одномъ изъ четвертыхъ этажей случилось слѣдующее.

Эту подробность передалъ мнѣ не мой собесѣдникъ, старый палестинецъ, а его жена, и онъ казался нѣсколько недовольнымъ, что разсказываются подобныя „сантиментальности“:

Живущій на этомъ дворѣ Г—скій подошелъ къ своей женѣ и говоритъ: „Видно, послѣдній часъ, попрощаемся!“ И увидѣвъ, что это вліяетъ на всѣхъ разслабляюще, оборвалъ свои слова и отошелъ въ сторону.

Я не знакомъ съ этимъ Г—скимъ, но хорошо знаю его. И вмѣстѣ со мной знаютъ и любятъ его многіе. Я никогда не видѣлъ его; и тѣмъ не менѣе я почти увѣренъ, что у него у глазъ лучи умныхъ, остроумныхъ и добрыхъ морщинокъ. Это одинъ изъ лучшихъ и умнѣйшихъ современныхъ еврейскихъ писателей и самый остроумный изъ нихъ. И во всемъ томъ, что онъ написалъ за многіе годы своей литературной дѣятельности, въ этомъ брызжущемъ глубоко-грустномъ и тонкомъ юморѣ, Гейневской тонкости и Диккенсовской нѣжности и грусти, — всегда чувствуется человѣкъ, многое и, главнымъ образомъ, невеселое продумавшій и видѣвшій, тонко понимающій, много любящій и мало вѣрующій. И какъ близко было, чтобъ эта великолѣпная голова пробита была ломомъ громилы!

Послѣ разсказа, я со своимъ сѣдобородымъ собесѣдникомъ спускались по лѣстницѣ на дворъ. Онъ вдругъ заговорилъ:

— Вотъ живешь, устраиваешь жизнь, и вдругъ, нежданно-негаданно, все это должно быть забрызгано кровью и мозгомъ — и кончиться.

Я сказалъ что-то о дѣтяхъ, которыхъ особенно жаль.

— И кромѣ дѣтей. Вотъ у меня, вы видѣли, какая библіотека, много лѣтъ собиралъ. А чтобы съ ней громилы сдѣлали!

Да, ничего бы хорошаго не сдѣлали.

— Вотъ случится иногда, присудятъ человѣка за что-нибудь особенно дурное или очень хорошее къ смертной казни; но въ наше время, по крайней мѣрѣ, уже не случается, чтобъ казнили вмѣстѣ со всѣмъ, что къ нему относится: съ женой и дѣтьми...

— И съ библіотекой?

— Да, и съ библіотекой, отвѣтилъ грустно спутникъ.

Мы вышли на улицу. Была ночь и ночь особенная какая-то. Во-первыхъ, этой ночью особенно почему-то боялись повторенія погрома, и на улицахъ не было ни души. Во-вторыхъ, сегодня въ первый разъ, черезъ мѣсяцъ послѣ погрома, разорвались тучи надъ Одессой и выглянули звѣзды, а то все время, и во время погрома и послѣ него, дождь, грязь и туманъ душили городъ. И во время погрома кровь лилась въ душномъ туманѣ и впитывалась грязной и склизкой землей. Тучи разорвало: подъ золотой кистью Плеядъ переливался лучами Юпитеръ, такъ великолѣпно царствующій этой зимой на нашемъ сѣверномъ небѣ, а внизу подъ нимъ лукаво выглядывалъ красный глазъ Тельца (Альдебаранъ). Мы сразу замѣтили звѣзды, какъ пріятную неожиданность. Я замѣтилъ вслухъ, что звѣзды такія-же, какъ въ моей сѣверной Литвѣ, и тутъ мой строгій, суровый и несантиментальный собесѣдникъ сказалъ нѣчто такое, что, должно быть, потомъ заднимъ числомъ показалось ему банально-сантиментальнымъ.

— Онѣ такія же, какъ и передъ убійствами. Ничего не измѣнилось.

Мы вышли затѣмъ, чтобы посмотрѣть лавченку, въ которой убили старика. Этой лавкѣ, видно, на роду было написано имѣть сидѣльцевъ смѣлѣе прочихъ; она и теперь была открыта позже всѣхъ. Мы зашли. Тѣ же папиросы, тѣ же „Дивныя“ и „Цы-

ганка", только чувствовался еще слащавый запахъ очень, должно быть, скверныхъ конфектъ, да вмѣсто старика въ забрызганной кровью и мозгомъ лавченкѣ (впрочемъ кровь и мозгъ уже вымыли) сидѣла какая-то молодая женщина съ ребенкомъ.

Мы пошли дальше. На улицахъ ни души. Только у дверей какого-то кабачка танцуютъ два пьяныхъ солдата въ шапкахъ манчжуркахъ или, какъ ихъ называли у насъ въ Литвѣ-Бѣлоруссіи, „смертельныхъ" шапкахъ, такъ какъ въ нихъ отправляли на смерть. На душѣ сильнѣе заскребли кошки... Мы распрощались.

Бойня на чердакѣ.

Разсказъ дѣвушки.

„Мы жили на Прохоровской. Насъ собралось на чердакѣ 50 человѣкъ. Дворникъ долженъ былъ стоять у воротъ и сказать, что жиды со двора всѣ сбѣжали. Но ему либо не повѣрили, либо онъ и увѣрять не хотѣлъ. Ворота растворились, толпа влилась въ дворъ и растеклась по квартирамъ.. Мы сидѣли на горищѣ (чердакъ), слышимъ стукъ и крики — и дрожимъ. Было насъ всего больше женщинъ и дѣтей, нѣсколько взрослыхъ мужчинъ и нѣсколько подростковъ. Подростки храбрились, имѣли при себѣ какія то палки, говорили: „оборонять будемъ". Взрослые понимали, что дѣло скверно, но подросткамъ не перечили. И что же вы думаете? Первая разбѣжалась наша тринадцатилѣтняя самооборона."

Одинъ изъ представителей этой самообороны, братъ разказчицы, сидѣлъ тутъ же и отъ конфуза шибко краснѣлъ и старался хитро улыбаться. Я успокоилъ его, говоря, что это ничего, и что лѣтъ въ двадцать будетъ бравый воитель.

„Мы сидимъ, а подъ нами погромъ. Уже убивали. Одного молодого человѣка — опрятный онъ былъ такой, деликатный — вытащили и говорятъ ему: „А, ты чистенькій? студентъ, значитъ!" Отломали толстую дубовую ножку отъ стола и этой ножкой разбили грудь, пробили черепъ и убили. Долго его убивали, и крикъ его слышался по всему двору. Что мы слышали, сидя на горищѣ: крикъ, визгъ, битье стеколъ, топотъ ногъ, плачъ — этого вамъ не передашь. Сидитъ у насъ одинъ молодой человѣкъ съ сестрой, у которой двое дѣтей, и говоритъ онъ ей: „Дай мнѣ, сестра, одного

ребенка, другого сама бери и бросимся съ крыши: все равно смерть.“ Она ему кричитъ: „Нельзя этого! не говори!“ — Стали громилы лѣзть къ намъ на чердакъ. Мальчишки прыгнули черезъ окошко на крышу. Влѣзъ первый, бородатый громила, кричитъ: „Это вы стрѣляли! Вашъ ножъ!“ — и показываетъ ножъ въ три четверти, настоящій хулиганскій. Стояли мы такъ: я впереди, за мной мама, а за мамой отецъ. Держитъ громила надъ моей головой ножъ, мама — его за руку, и всѣ вмѣстѣ кричимъ. Я отъ него вырвалась“...

— Позвольте, вы пропустили, прервалъ дѣвушку мой спутникъ, ея близкій знакомый. — Доскажите, какъ вы отъ него вырвались.

Дѣвушка разказать не хотѣла. И тутъ стыдъ оказался больнѣе ужаса. Дѣло было такъ. Громила вдругъ обнялъ ее. Она выскользнула изъ его объятій, пала на колѣни и сама обняла его ноги. Это либо тронуло его, либо поразило неожиданностью — но онъ ее оставилъ.

„Я побѣжала, за мной мама, за мамой отецъ. И мама догадывается, что хочу я выскочить на крышу, а оттуда внизъ, и кричитъ: „не прыгай!“ Чердакъ громадный, поле цѣлое, пересѣченъ боровами печей. Бѣжимъ мы всѣ пятьдесятъ человѣкъ, кругомъ чердака, кричимъ; за нами убійцы. Я видѣла, какъ громила схватилъ женщину за волосы, ударилъ ее спиной о боровъ; я видѣла, какъ ножъ разрѣзалъ лифъ, потомъ показалось бѣлое тѣло и — кровь... Я все видѣла и ничего не видѣла, я все слышала и ничего не слышала. Въ ушахъ звонъ стоялъ отъ собственнаго крика — я и его почти не слышала... Вдругъ вижу — лѣстница внизъ, совершенно чистая, — я по ней. Мама уже обезумѣла и пробѣжала мимо. Я назадъ и кричу: сюда! Она за мной. Сбѣжали мы съ лѣстницы, пробѣжали черезъ одну квартиру, другую — слава Богу, никого нѣтъ, и попали мы въ какой-то чуланчикъ. Тамъ насъ собралось семь душъ, все женщины. Чуланчикъ выходилъ на лѣстницу, по которой пробѣгали и проходили громилы. Дверь была безъ щеколды и не запиралась плотно. Одна изъ нашихъ, держась рукою за выступъ двери, притворяла ее. Такъ простояли мы нѣсколько часовъ, покуда громилы не ушли. А моего отца нашли потомъ убитымъ на дворѣ. Онъ, видно, тоже сбѣжалъ по

лѣстницѣ — и попался въ руки. На томъ чердакѣ, гдѣ мы прятались, было убито семнадцать человѣкъ, а всего во дворѣ больше тридцати.“

— Ну и намъ было не лучше, добавилъ вдругъ мальчикъ, видно, въ свое оправданіе. — Выскочили мы на крышу, а насъ солдаты обстрѣливаютъ. Еле за трубами попрятались.

Это было обычное явленіе во время одесскаго погрома: внутри убивали топорами, а снаружи обстрѣливали.

Глухой старикъ.

Воспоминаніе объ этомъ старикѣ является для меня комично-трогательнымъ интермеццо, среди другихъ моихъ одесскихъ воспоминаній. Онъ оказался моимъ землякомъ изъ Литвы и, сильно обрадовавшись мнѣ, заставилъ даже угоститься субботнимъ обѣдомъ. Какъ всѣ старые глухіе люди, онъ, видимо, думалъ, что я тоже глухъ, и кричалъ мнѣ прямо въ ухо.

— Слышишь! кричалъ онъ мнѣ, весело улыбаясь. — Съ топорами надо мною стояли — и ничего, живъ остался. Слышишь! Только часы сняли. А вотъ новые купилъ. Слышишь! Двѣнадцать рублей заплатилъ. Что? хорошіе? Слышишь!

Пользуясь его глухотой, его домашніе разсказали мнѣ, что въ то время, когда кругомъ него грабили и на него самого замахивались, онъ не отрываясь читалъ псалмы. Самъ старикъ конфузился разсказать мнѣ это, боясь, видно, чтобъ я, молодой безбожникъ, не посмѣялся. Какъ милъ мнѣ сталъ этотъ старикъ со своей застѣнчивостью!

— Слышишь! а у васъ погромъ былъ?

— Похоже было.

— Много убитыхъ?

— Меньше, чѣмъ въ Одессѣ.

— Спаслись многіе?

— Многіе.

— Слава Богу! Слышишь?

Скорбный путь.

Большой Фонтанъ — это рыбацкое село подъ Одессой, лѣтомъ являющееся оживленной дачной мѣстностью. Большефонтанцы всегда хвастались тѣмъ, что у нихъ никогда погрома не было. И не диво —

это не въ ихъ интересахъ, такъ какъ большинство дачниковъ евреи. Однако, начало одесскаго погрома сейчасъ же отозвалось на Большомъ Фонтанѣ. Осенью, когда дачники разъѣзжаются, въ селѣ остается нѣсколько десятковъ евреевъ.

И вотъ въ среду утромъ большефонтанцы раздѣлились, такъ сказать, на двѣ партіи: одна изъ нихъ, состоявшая изъ голытьбы, которой хотѣлось пограбить, и молодежи, которой хотѣлось погулять, была за то, чтобы разгромить мѣстныхъ евреевъ; другая же партія, состоявшая изъ хозяевъ, — во главѣ ихъ сталъ нѣкій Глухенко, о которомъ даже въ газетахъ писалось, — была противъ погрома. Стали судить да рядить, а между тѣмъ пошло ужъ битье стеколъ. Евреи сообразили, что дѣло плохо и нужно убраться. Одинъ еврей съ семьей побѣжалъ на сосѣднюю дачу Ксиди къ нѣмцу-садовнику. Нѣмецъ согласился спрятать его. Но вслѣдъ за первыми бѣглецами явились и всѣ остальные большефонтанскіе евреи. Вслѣдъ за ними пришло нѣсколько парней изъ деревни и сказали садовнику, что завтра разгромятъ дачу, если онъ не прогонитъ евреевъ. Устроено было евреями вмѣстѣ съ садовникомъ совѣщаніе и рѣшено было, чтобъ у него осталось одно первое прибѣжавшее къ нему семейство: оно, молъ, имѣетъ право первенства, и одно его садовникъ сумѣетъ спасти. Остальныя двадцать пять душъ ушли съ дачи. Это случилось въ ночь со среды на четвергъ. Скорбный былъ путь. Шелъ осенній дождь, море было бурно... Весь берегъ отъ Большого Фонтана до Ланжерона (близъ Одессы) размытъ моремъ. Днемъ очень красивы бываютъ эти глинистые и песчаные обрывы, съ лѣпящимися по нимъ деревьями, съ видными издалека въ вышинѣ красивыми дачами, съ капризно вьющимися вверхъ-внизъ „козьими“ тропинками, для которыхъ нужны молодыя и ловкія ноги, — все это даетъ представленіе о какой-то маленькой и невысокой Швейцаріи, но съ моремъ въ придачу. Но ночью, въ осеннюю слякоть, когда ноги всасывались по щиколотку въ глину, трудно было по этимъ тропинкамъ карабкаться голоднымъ, плохо одѣтымъ людямъ съ отчаяньемъ въ душѣ: они шли по направленію къ Одессѣ, изъ которой исходилъ погромъ. Дѣти хныкали, отцы скрежетали зубами, матери прижимали дѣтей, стараясь согрѣть ихъ. За цѣлую ночь бѣд-

няки прошли всего нѣсколько верстъ по берегу. Утромъ они дошли до какой-то церковки и попросили сторожа, чтобъ онъ впустилъ ихъ и далъ согрѣться. Сторожъ пошелъ спросить попа. Вышелъ попъ, сталъ замахиваться палкой и прогналъ ихъ. Пошли дальше, прячась въ обрывахъ при малѣйшемъ шорохѣ. Они пропустили мимо себя громадную толпу, которая съ гиканьемъ и свистомъ шла изъ Одессы по берегу, разоряя еврейскія дачи. Пошли дальше. И вдругъ противъ нихъ четверо вооруженныхъ. „Стой, жиды!“ Люди остановились. Былъ такой ужасъ, что даже дѣти не пищали. Неизвѣстно, что подѣйствовало: видъ ли стоявшаго впереди длиннаго, худого, смертельно блѣднаго портного, въ одномъ длиннополомъ сюртукѣ, державшаго на рукахъ сына; видъ ли его растрепанной жены, дрожавшей съ двумя малютками на рукахъ, — но вдругъ одинъ изъ громилъ сказалъ: „Брось ихъ! жиды жидами и останутся!“ — и оставили. Пошли дальше. И вдругъ противъ бѣглецовъ опять человѣкъ съ ружьемъ. Человѣкъ мигнулъ бѣглецамъ и тихо прошепталъ: „На мою дачу, заднимъ ходомъ.“ Это былъ мировой судья Сомовъ. Люди пробрались къ нему на дачу. Онъ держалъ ихъ у себя на дачѣ три дня, поилъ, кормилъ и утѣшалъ ихъ; отпустилъ не раньше воскресенья, когда погромъ въ городѣ совершенно прекратился. Самъ повезъ ихъ въ городъ, заботливо размѣстилъ по квартирамъ и далъ нѣсколько денегъ. Что всего удивительнѣе, г. Сомовъ раньше считался одесскими евреями отчасти даже антисемитомъ. Видно, не было въ немъ внѣшней слащавости тѣхъ господъ, которые въ мирное время улыбаются намъ сладкоснисходительно, во время погрома запираютъ передъ нами окна, двери и сердца, но зато послѣ погрома открываютъ въ себѣ потоки слезъ, чтобъ оплакать горе вѣчнаго народа. Только въ бѣдѣ узнаешь своихъ друзей и враговъ.

Той семьѣ, которая осталась у Ксиди, пришлось пережить страху не меньше: рядомъ громили великолѣпную дачу Бродскаго. Нѣмецъ помѣстилъ своихъ гостей въ яму, въ которой раньше размѣшивали известь; яму наверху завалилъ балками и засыпалъ камнями. Подъ этимъ курганомъ люди провели нѣсколько часовъ, покуда громилы грабили Бродскаго и разспрашивали, нѣтъ-ли жидовъ у Ксиди.

Погромъ на Слободкѣ-Романовкѣ.

Слободка-Романовка, это какъ бы отдѣльный городокъ, примыкающій къ Одессѣ и отдѣленный отъ нея желѣзнодорожнымъ полотномъ. Евреевъ до погрома было тамъ, должно быть, до тысячи душъ. Имѣется одна синагога. Погромъ на Слободкѣ отличается, во-первыхъ, какъ я выразился выше, своей автономностью, такъ какъ, исключая одного случая, туда изъ города не являлось ни громилъ, ни самообороны; во-вторыхъ, отличается онъ своей совершенной откровенностью. Совершенно откровенна была провокація, откровенны убійцы, всѣ знаютъ ихъ имена; они себѣ погуливаютъ по улицамъ, норовя и теперь убивать.

Во главѣ мѣстной полиціи и провокаціи стоитъ нѣкій Коллоли съ титуломъ завѣдующаго, что-то въ родѣ урядника. Человѣкъ вѣчно очень пьяный, онъ происходитъ однако изъ знатнаго мѣста, а именно, былъ въ свое время не то поваромъ, не то камердинеромъ у одесскаго градоначальника Шувалова. Погромъ на Слободкѣ не новость, на памяти людей не старыхъ, погромы происходили тамъ трижды, послѣдній разъ въ 1900 году, только безъ убійствъ. Случаи ожиданія погрома бывали еще чаще, и каждый разъ полиціи выдавалась соотвѣтствующая мзда. За двѣ недѣли до послѣдняго погрома Коллоли тоже потребовалъ мзды, на этотъ разъ въ увеличенномъ размѣрѣ — цѣлыхъ 200 рублей. Деньги ему выданы не были, ибо нѣкоторые хозяева заупрямились, находя, что завѣдующій слишкомъ часто требуетъ. Въ среду послѣ полудня въ Слободкѣ еще не знали о погромѣ въ городѣ. Вдругъ двое молодыхъ людей подошли къ магазину Каца и приказали закрыть его. Въ настоящее время въ Россіи лавочникъ привыкъ повиноваться приказу закрывать лавку, ибо то закрываютъ лавки забастовщики, то самооборона, то полиція, и отъ каждой изъ этихъ трехъ силъ можно получить по шеѣ. Кацъ повиновался и не очень удивился. Кто были молодые люди, неизвѣстно, но гулъ тревоги уже пронесся по улицѣ, и лавки начали запираться. Въ это время изъ участка вышелъ Коллоли, съ нимъ вмѣстѣ его помощники: городовые Ивановъ, Андрей и кучеръ Коллоли, офиціально значущійся тоже въ спискѣ городовыхъ. Вышли и

начали разбивать магазинъ Каца, а потомъ и убивать. И убивали они двое сутокъ. Скоро къ нимъ присоединились убійцы-добровольцы, а можетъ быть, вольнонаемные; нѣкоторымъ изъ нихъ Коллоли выдавалъ оружіе, нѣкоторыхъ отсылалъ за револьверами въ сосѣдній Херсонскій участокъ. Конечно, не только убивали, но и громили и грабили. Плодомъ дружной дѣятельности явилось тридцать убитыхъ, а сколько раненыхъ и разгромленныхъ — этого сосчитать я не пытался. На грабежъ и убійство стекались со всѣхъ сторонъ. Изъ сосѣдней Кривой Балки, гдѣ добывается тотъ песчаникъ, изъ котораго построена Одесса, нѣкоторые особенно запасливые люди дѣлали по пяти туровъ на Слободку, чтобъ отвезти на телѣгахъ награбленное добро. Пріѣзжали и изъ окрестныхъ деревень; особенно усердствовали рабочіе изъ каменоломенъ; свирѣпствовали нѣкоторые заводскіе и биндюжники (ломовые извозчики). Защиты не было никакой: евреи разбросаны по всей Слободкѣ, и ихъ избивали каждаго отдѣльно. Въ началѣ погрома изъ города явилось какъ-то семь самооборонцевъ, двое евреевъ и пять русскихъ рабочихъ; они пустили нѣсколько пуль въ полицейскихъ, имъ отвѣтили тѣмъ же. Двое евреевъ были ранены, и всѣмъ семерымъ пришлось отступить. Заступались за евреевъ и прятали ихъ нѣкоторые мѣстные христіане-домовладѣльцы; Коллоли грозился за то и ихъ убить.

Вотъ нѣкоторыя изъ убійствъ:

Кофмана, 47 лѣтъ, выбросили изъ окошка со второго этажа. Тутъ подлетѣлъ къ нему мальчикъ Васька Небось, сынъ музыканта, и разрубилъ ему голову топоромъ.

Гарбара убилъ городовой Ивановъ.

Лею Лысую — Ивановъ и кучеръ.

Мотеля Шейндельса съ женою убилъ водопроводчикъ рабочій Негуровъ съ малолѣтнимъ сыномъ. Тѣ же убили Давида Подольскаго.

Вейцманъ съ семьею хотѣлъ спрятаться въ Слободкинскую городскую больницу, гдѣ у него имѣлся знакомый, Головинъ; въ больницу не пустили. Налетѣли Коллоли съ городовыми Ивановымъ, Андреемъ и кучеромъ, убили на мѣстѣ четырехъ изъ семьи Вейцмана, пятый умеръ потомъ въ больницѣ, а одной дѣвушкѣ, говорятъ, отрѣзали уши вмѣстѣ съ сережками, и она теперь въ больницѣ. Въ домѣ По-

тапенко убито шестнадцать. Вошелъ сначала городовой Ивановъ и сказалъ, что долженъ всѣхъ обыскать, нѣтъ ли оружія. Обыскалъ, оружія не нашелъ, но стянулъ все цѣнное, у одной женщины взялъ 1800 рублей. Потомъ подошелъ къ окну и выстрѣлилъ въ него изъ револьвера. Тогда солдаты съ улицы стали обстрѣливать домъ, а внутри въ это время убивали. Солдатскими пулями не убитъ ни одинъ, хотя онѣ залетали въ окна и сбивали штукатурку со стѣнъ, а убиты всѣ руками все тѣхъ же Иванова, Андрея и кучера и товарищей. Я былъ въ этомъ домѣ ровно черезъ мѣсяцъ послѣ бойни. Работали столяры, и тѣмъ не менѣе въ одной комнатѣ полъ весь еще былъ покрытъ засохшей черной кровью. Я старался двигаться вдоль стѣнъ, чтобъ не ступать ногами хотя бы въ засохшую человѣческую кровь. Кровью были забрызганы двери и стѣны. Нѣкоторыя засохшія пятна крови походили на большіе, небрежные, но щедрые мазки малярной кистью. Хозяинъ или управляющій этого дома, видно, человѣкъ расчетливый: не желая совершать двойной работы, онъ приказалъ, не соскабливая, не смывая крови, закрашивать окровавленныя двери красной краской. Тотъ же фокусъ я замѣчалъ въ другихъ мѣстахъ. Обитатели подобныхъ квартиръ будутъ имѣть двери, окрашенныя заодно красной кровью и краской. Впрочемъ, наврядъ ли кто скоро поселится въ домѣ Потапенко. Даже многіе христіане, проѣзжая мимо этого дома по конкѣ, въ ужасѣ крестятся. Въ другомъ домѣ въ Одессѣ мнѣ пришлось еще чувствовать трупный запахъ, хотя трупы давно уже были убраны.

Въ то время, какъ внутри дома убивали, а снаружи его обстрѣливали, на крышѣ дома сидѣлъ тринадцатилѣтній мальчикъ, Мойшка Шустеръ, и прятался за дымовой трубой отъ солдатскихъ пуль. Покончивъ работу въ домѣ, къ нему взошелъ на крышу городовой Ивановъ, ударилъ его топоромъ, потомъ сбросилъ внизъ на землю. У мальчика переломлены рука и нога и выбитъ весь верхній рядъ зубовъ; онъ еще живъ и въ больницѣ.

И еще убійства и еще убійства...

Идею разгромить синагогу подалъ толпѣ думскій сторожъ. Еще раньше жена служителя синагоги забѣжала къ сосѣду, рабочему Островскому, и попросила, чтобы туда взяли свитки Торы, во избѣжаніе

святотатства. Островскіе согласились, но съ условіемъ, чтобъ имъ попъ это разрѣшилъ, а то боятся грѣха. Пошли къ старому слободкинскому попу (есть еще другой священникъ, молодой). Выбѣжалъ попъ, грозный, и закричалъ: „Всѣхъ васъ, жидовъ, убивать надо! мало вамъ свободы, пархатымъ!“ Еврейка стала умолять спасти святыню. На нее набросились поповны и стали гнать: „Ахъ, уйдите, пожалуйста, а то у насъ истерика будетъ!“ — Еврейка ушла. Синагогу разгромили. Служители успѣли во время спастись. Изъ свитковъ Торы дѣлали дорожки по грязи и по нимъ ступали. Послѣ погрома лоскутья святыни собрали и похоронили. Я былъ въ этой синагогѣ, и мнѣ удалось видѣть одинъ только что вытянутый изъ грязи кусокъ пергамента. Я сталъ читать его, на немъ оказалась какъ разъ исторія Валака и Ваалаама... Картину разрушенія синагоги описывать нечего. На дворѣ еще виденъ былъ втоптанный въ грязь пухъ, изъ квартиръ жителей.

Старый и крѣпкій человѣкъ, который провожалъ меня при осмотрѣ синагоги, сказалъ мнѣ, что когда онъ въ первый разъ увидѣлъ картину разрушенія. то у него подкосились ноги... А ужъ по однимъ сжимавшимся кулакамъ этого человѣка можно было судить, что онъ далеко не женщина. Сколько лѣтъ синагога строилась и украшалась немноголюдной общиной!

Изъ синагоги я пошелъ посмотрѣть городового Иванова на посту. Къ сожалѣнію, его не оказалось, стоялъ другой.

Какъ всѣ другіе слободкинскіе убійцы, Ивановъ обрѣтается на свободѣ, пьянствуетъ, здравствуетъ и начальствуетъ. И даже черезъ нѣсколько недѣль послѣ погрома покушался на убійство сына одного еврея, которая мѣстная полиція имѣетъ основаніе считать главнымъ своимъ врагомъ: гнался за нимъ по улицѣ съ револьверомъ и стрѣлялъ. Еврей этотъ былъ главнымъ виновникомъ того, что Коллоли мзда выдана не была. Я бесѣдовалъ съ нимъ, и онъ сказалъ мнѣ, что испытываетъ иногда угрызенія совѣсти изъ-за того, что помѣшалъ взяткѣ. Я утѣшилъ его, говоря, что, во-первыхъ, погромъ велѣли произвести люди, повыше полицейскаго урядника, а, во-вторыхъ, привелъ одинъ для меня, такъ сказать, домашній случай. У насъ на сѣверѣ въ Могилевской губерніи

оберъ-прохвостомъ состоитъ Клингенбергъ, кажется не сгинувшій еще отъ подстрѣлившей его пули. Онъ не разъ бралъ у своихъ евреевъ взятки, и все-таки погромы устраивалъ. Во время послѣдней тревоги, впрочемъ, дѣйствовалъ вѣрой и правдой: сначала устроилъ погромъ, а потомъ, получивъ шесть тысячъ, поставилъ драгунъ по дорогамъ, чтобы не пускали крестьянъ въ городъ на грабежъ.

Крестьяне были очень обижены и требовали у начальства, чтобъ имъ заплатили за подводы: „сначала, молъ, приказывали въ городъ ѣздить для наживы, а потомъ назадъ“.

Мораль отсюда такая: давать начальству взятки, значитъ поощрять его на новые погромы, ибо погромное дѣло куда выгоднѣе казеннаго кормленія, и увеличенію послѣдняго также способствуетъ.

Убивали на Слободкѣ до четверга ночью. Тогда сталъ обходить улицы съ фонаремъ въ рукѣ младшій слободкинскій священникъ отецъ Михаилъ и убѣждать, что надо прекратить убійства. Почему онъ раньше этого не сдѣлалъ, неизвѣстно. Впрочемъ, возможно, онъ замѣтилъ, что жажда крови уже недалека отъ пресыщенія и что часъ благопріятенъ. Однако, онъ не посмѣлъ говорить толпѣ, что евреевъ убивать не надо: за это убили бы его самого — Коллоли подстрекалъ къ этому. Священникъ говорилъ, что нельзя убивать евреевъ самоуправно и безсудно, а нужно ихъ собрать и справиться у высшаго начальства, что съ ними сдѣлать. Отцу Михаилу помогали въ его работѣ и тѣ мѣстные хозяева, которые и раньше были противъ погрома. Евреевъ стали сводить съ чердаковъ, отыскивать въ погребахъ и помѣщать въ двухъ домахъ, Хазалупи и Каца; въ одномъ изъ этихъ домовъ находится училище Галлая. Разсказываютъ подробности, которыя смахиваютъ на нѣчто библейское: напримѣръ, представляютъ, какъ отецъ Михаилъ ночью съ фонаремъ въ рукѣ ведетъ еврейскихъ ребятишекъ, прикрывая ихъ своею рясой. Если это и не точно, то во всякомъ случаѣ недурно выдумано благодарными евреями. Всего было помѣщено въ двухъ домахъ до семисотъ двадцати душъ (за точность не ручаюсь). Священникъ заперъ ворота, взялъ къ себѣ ключи и уговорилъ офицера поставить патруль для охраны. Одинъ офицерикъ, между прочимъ, дипломатично

спросилъ: „А можете ли гарантировать намъ безопасность отъ евреевъ?“ Отецъ Михаилъ гарантировалъ. Потомъ Коллоли устроилъ, чтобы патруль сняли. Отецъ Михаилъ поѣхалъ въ городъ по начальству, и патруль былъ поставленъ снова. Все утро въ Слободкѣ толковали, что дѣлать съ евреями. Народъ раздѣлился на партіи: одни были за то, чтобъ сейчасъ же перебить евреевъ, благо всѣ вмѣстѣ; другіе — за то, чтобъ ихъ выселить разъ навсегда изъ Слободки, а третьи — противъ всякихъ враждебныхъ мѣръ. Коллоли открыто подговаривалъ убить отца Михаила и поджечь школу Галлая. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось, но къ этому времени въ городѣ появились уже объявленія Каульбарса, въ которыхъ онъ грозилъ обрушиться своей начальственной рукой на всякаго нарушителя порядка, даже патріотичнаго, — и дѣло склонилось на милость: евреи были спасены.

Между прочимъ, съ предложеніемъ поджечь школу Галлая Коллоли обратился къ одному вору Д—кову, своему хорошему знакомому, ибо не разъ отъ него получалъ взятку. Воръ отвѣтилъ:

— Наше дѣло воровать, а убивать — это по полицейски.

И на Слободкѣ воры, которыхъ тутъ не меньше, чѣмъ на окраинахъ Молдаванки, выказали больше гуманности, чѣмъ мирные жители; они пользовались случаемъ, но не убивали. А одинъ изъ нихъ, Фанька Г—ко, даже спасъ и спряталъ многихъ.

Теперь на Слободкѣ осталось мало евреевъ. Они убѣжали и боятся возвращаться въ это мѣсто ужасовъ.

Начало погрома на Пересыпи.

На Пересыпь погромъ пришелъ въ то же время, какъ онъ самостоятельно начался на Слободкѣ. Пришелъ онъ въ видѣ толпы всего въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, отщепившейся отъ патріотической манифестаціи и спустившейся изъ города по Херсонскому спуску. Пересыпь это тоже какъ бы отдѣльный городъ, тянущійся по берегу моря и отдѣленный отъ Одессы желѣзнодорожной насыпью. Населеніе тутъ фабричное: 30 тысячъ рабочихъ. Евреевъ немного: либо лавочники, либо тоже фабричные рабочіе; процентъ послѣднихъ, впрочемъ, ничтоженъ по

сравненію съ русскими. И тутъ также погромъ явился полной неожиданностью: не имѣли никакого понятія о томъ, что дѣлается въ городѣ. Толпа начала громить лавки. Дѣло велось систематически и раціонально: двое разбиваютъ себѣ дверь магазина, затѣмъ залѣзаютъ въ него, потомъ вышвыряютъ товаръ на улицу, а тутъ бабы и дѣвки упаковываютъ его въ мѣшки и даже въ фартуки. Было настолько невнушительно, что мой собесѣдникъ, еврейскій рабочій, продолжалъ себѣ стоять у воротъ своего дома и наблюдать картину. Это былъ покуда только грабежъ, а не погромъ.

— Позвольте, прервалъ я своего собесѣдника: какая разница?

— Разница есть. Грабежъ — такъ берутъ себѣ на пользу и съ расчетомъ, а если погромъ, — разрушаютъ безсмысленно жестоко и почти безкорыстно, даже себѣ не на пользу.

Продолжаю показаніе свидѣтеля:

Проходитъ улицей рота солдатъ съ офицеромъ во главѣ. Офицеръ приподымается на цыпочки, чтобы посмотрѣть, что тутъ дѣлается, и, не доводя своей роты до громилъ, сворачиваетъ съ ней въ переулокъ. Проходитъ затѣмъ нѣсколько отдѣльныхъ солдатъ съ ружьями; они махаютъ громиламъ руками: молъ, трогать не будемъ, будьте спокойны. Вдругъ изъ аптечнаго магазина раздаются два выстрѣла; толпа бросается туда и разгромляетъ магазинъ.

Мимо моего собесѣдника проходитъ одинъ русскій рабочій, соціалдемократъ-„большевикъ“.

— Что намъ дѣлать! — спрашиваетъ его мой собесѣдникъ.

— А что подѣлаешь? — отвѣчаетъ ему вопросомъ же большевикъ.

И, дѣйствительно, шансовъ на успѣхъ дѣла было мало. Евреевъ на Пересыпи мало, а сознательныхъ русскихъ рабочихъ, т. е. дѣйствительно сознательныхъ, а не только кой-чего разъ почитавшихъ, — такихъ рабочихъ на Пересыпи еще меньше. Это видно даже по такому благожелательному источнику, какъ „Бундъ“ (№ 10).

Въ среду погромъ былъ вялъ; въ четвергъ утромъ размахъ его былъ широкъ и буенъ. Грабежъ принялъ какія-то нелѣпыя, чисто фантастическія формы: вотъ пьяный мужикъ тащитъ на своей спинѣ ставень,

словно бы чего болѣе легкаго и цѣннаго найти не могъ; баба несетъ полстола съ двумя ногами. А вотъ, впрочемъ, какая-то чистенькая дѣвушка несетъ подъ бѣлымъ фартучкомъ только-что сграбленную швейную машинку. Въ полдень на улицахъ сталъ чувствоваться запахъ крови...

— Позвольте, спросилъ я: развѣ вы видѣли кровь?

— Нѣтъ, отвѣтилъ мой собесѣдникъ, я не видѣлъ крови, можетъ быть, она еще не пролилась, но въ этомъ гулѣ, пьяной, озвѣрѣлой толпы, запрудившей всю улицу, я почувствовалъ кровь, и въ первый разъ испугался; и рѣшилъ, что нужно жену и дѣтей увести подальше.

Я не стану описывать пересыпскаго погрома, я только замѣчу, что погромъ, начавшись вяло, потомъ разгорѣлся не менѣе жестоко, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, что число убійствъ такое же, какъ на Слободкѣ, а звѣрства въ нихъ не меньше. Это на Пересыпи, кажется, оскопили мальчика. Мнѣ важно было только отмѣтить, что сюда погромъ пришелъ, а не начался самостоятельно (потомъ, конечно, присоединилась и мѣстная масса), затѣмъ важно было отмѣтить поведеніе мѣстныхъ рабочихъ. Это поведеніе вотъ какое: въ лучшемъ случаѣ — безучастное, въ худшемъ — сами грабили и убивали. На одной мельницѣ Вайнштейна, гдѣ большинство рабочихъ — евреи, тѣмъ не менѣе цѣлыхъ двѣнадцать рабочихъ русскихъ обвиняются товарищами въ хулиганствѣ. Хозяинъ уговорилъ своихъ рабочихъ покуда не требовать увольненія этихъ громилъ: времена, молъ, слишкомъ бурны.

— У васъ, кажется, составился недавно совѣтъ рабочихъ депутатовъ? Въ немъ затронутъ вопросъ объ оборонѣ на случай новаго погрома?

Этотъ совѣтъ учредился уже послѣ погрома?

— Да, былъ затронутъ, но сейчасъ же снятъ съ очереди.

— А почему?

— Рано еще, батенька! Вѣдь совѣтъ — какъ всѣ совѣты: нѣсколько людей партійныхъ, хорошо понимающихъ и направляющихъ дѣло, а затѣмъ массовые, которыхъ нужно воспитывать съ извѣстной постепенностью. А вопросъ щекотливый. Только рабочіе отъ Гена — въ нашемъ смыслѣ хорошій заводъ — что-то замѣтили насчетъ того, что они помаленьку

милицію учредили у себя на заводѣ; нѣсколькихъ хулигановъ уже будто бы отправили въ лучшій міръ. Съ тѣмъ вопросъ и сплылъ.

— А интересно, что же разбиралось на послѣднемъ засѣданіи Совѣта?

— Рѣшено было не брать больше ассигнацій, а требовать уплаты жалованія звонкой монетой. И представьте себѣ, предложеніе объ этомъ внесъ какой-то старенькій старичокъ, отъ котораго такой прыти и не ожидали. Да еще писаный докладъ объ этомъ, своего собственнаго сочиненія, прочелъ. Чудеса! Вотъ что революція дѣлаетъ.

— Значитъ, рѣшеніе о томъ, чтобы прижать царскіе финансы, пріемлемѣе, чѣмъ объ оборонѣ евреевъ?

Задумчивые глаза моего собесѣдника лишь грустно улыбнулись въ отвѣтъ.

Общій очеркъ одесской самообороны.

Въ первый разъ самооборона устроилась послѣ кишиневскаго погрома. Потомъ основался такъ называемый Еврейскій національный комитетъ самообороны. Каждый разъ, когда вблизи чувствовался погромъ, собирались деньги, покупалось оружіе; потомъ, когда моментъ проходилъ, комитетъ не собирался, сборы денегъ прекращались. Организація была плоха, оружіе уплывало нивѣсть куда, и когда настроеніе снова обострялось, приходилось начинать все сызнова. Идея этого комитета была хорошая, были произнесены нѣкоторыя хорошія слова, но, къ сожалѣнію, идея не получила хорошаго осуществленія, а за хорошими словами не слѣдовало такихъ же дѣлъ. Хороша была идея объединить всѣ пригодныя еврейскія силы для самообороны. Но, во-первыхъ, эта цѣль не была достигнута, а, во-вторыхъ, были введены нѣкоторые элементы, которые для самообороны ничѣмъ полезными и быть не могли, а между тѣмъ мѣшали дѣлу своей тяжеловѣсной болтовней. Разъ, напримѣръ, какіе-то мудрецы, должно быть съ Бульварнаго участка (участокъ такъ называемыхъ „представительныхъ“ людей въ Одессѣ), внесли предложеніе о томъ, чтобы послать миссію къ иностраннымъ дворамъ съ жалобой на россійскихъ громилъ. Предложеніе доморощенныхъ дипломатовъ было, конечно, отвергнуто, но тѣмъ не менѣе, инциденты подобнаго рода сдѣлали то, что

комитетъ разстроился. Бывали хорошія слова, напр., передъ Пасхой было выпущено нѣсколько талантливыхъ и сильныхъ воззваній: одно къ охотникамъ до погромовъ съ предложеніемъ не безобразничать не только въ интересахъ души, но и шкуры; другое воззваніе было къ евреямъ: имъ предлагалось всѣмъ поголовно вооружится, женщинъ и дѣтей помѣщать въ верхніе этажи, а мужчинамъ становиться у воротъ и защищать каждый дворъ. Идея хоть куда! Но, къ сожалѣнію, за ней не послѣдовало хорошаго дѣла. Всякій человѣкъ, который прошелъ нѣсколько дальше азбуки организаціоннаго дѣла, знаетъ, что посылать въ массу одни воззванія, какъ бы горячи и убѣдительны они ни были, это дѣло совершенно праздное. Воззванія только тогда дѣйствительны, когда вслѣдъ за ними въ массу высылается достаточное количество агентовъ, которые бы научили практически, какъ и что дѣлать.

Комитетъ, какъ сказано, разстроился, объединяющаго центра самообороны не было. Погромъ явился для одесситовъ полнѣйшей неожиданностью, и тѣмъ не менѣе засталъ одесситовъ не совсѣмъ неподготовленными, а во время погрома недурно функціонировалъ нѣкій объединительный центръ. Какъ же объяснить это? А вотъ какъ:

Великолѣпный тактическій шагъ с.-д., которые при оппозиціи с.-р. и Бунда, бывшихъ противъ открытія университетовъ, настояли на томъ, чтобы они были открыты не столько для науки, сколько для митинговъ — сдѣлалъ, во-первыхъ, то, что университеты сыграли гигантскую роль въ подготовкѣ октябрскихъ событій; во-вторыхъ, что университеты въ каждомъ городѣ дѣлались центромъ революціонной жизни: тутъ собирались гигантскіе митинги, тутъ встрѣчались и сговаривались всѣ, и естественно, что объединенныя учрежденія организованнаго студенчества дѣлались сами собой какъ-бы объединенными комитетами всѣхъ городскихъ революціонныхъ организацій; конечно, только когда требовались объединенныя выступленія. Въ Коалиціонный совѣтъ Новороссійскаго университета передъ погромомъ входили два представителя с.-д., большинства и меньшинства, одинъ представитель отъ с.-р., одинъ отъ Бунда, одинъ отъ отъ с.-с. (сіонистовъ-соціалистовъ), одинъ отъ армянъ-дрошакистовъ (армянская національно-революціонная

партія), одинъ отъ грузинскаго землячества и одинъ отъ поляковъ. Хотя число организованнаго студенчества не велико по сравненію съ неорганизованными, тѣмъ не менѣе, такъ какъ первые составляютъ соль студенчества, Коалиціонный совѣтъ завѣдывалъ всѣмъ въ университетѣ. Онъ-же устраивалъ митинги, отводилъ аудиторіи партійнымъ организаціямъ. Всѣ привыкли въ случаяхъ экстренныхъ сбѣгаться въ университетъ. Такъ-же случилось во время погрома: туда сбѣгались за оружіемъ и съ оружіемъ; тутъ составлялись отряды, сюда приносились извѣстія, здѣсь на мѣстѣ выбирался начальникъ отряда, или, какъ это нѣсколько комично называлось въ Одессѣ, „диктаторъ“ надъ нимъ; давались инструкціи, и отрядъ отправлялся. Всѣмъ этимъ заправлялъ Коалиціонный совѣтъ.

Было приготовлено и нѣкоторое оружіе. Погромъ, правда, явился для Одессы совершенной неожиданностью, но тѣмъ не менѣе и раньше ждали провокаторскихъ дѣйствій отъ Нейдгарта и опасались таки, что его заборная литература черносотенныхъ объявленій принесетъ плоды. Послѣдняя фраза кажется совершенной нелѣпостью: какъ-же это? ожидали провокаціи отъ Нейдгарта, а погромъ явился полной неожиданностью? Но видно всѣ эти заявленія противъ провокаціи были не больше, какъ фрондировка противъ Нейдгарта, а фактически никто ничего серьезнаго не ждалъ. На мысль о фрондировкѣ наводитъ и наивная болтовня нѣкоторыхъ либеральныхъ думцевъ о городской милиціи, — одна изъ самыхъ наивныхъ либеральныхъ идеекъ нашего времени, впрочемъ, о городской милиціи будетъ дальше. Точно также и нѣкоторые студенты, должно быть, подъ вліяніемъ этой идеи, принимали на себя великодушно роль частныхъ приставовъ, просили публику разойтись и такъ дальше, при чемъ носили даже номера своихъ отрядовъ, наприм., на шапкахъ (составлялись студенческіе отряды и до погрома, на случай провокаціи). Все это было очень наивно и невинно.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалось и нѣчто менѣе невинное. На громадныхъ митингахъ въ университетѣ устраивались революціонными организаціями сборы денегъ на покупку оружія, конечно, не только для обороны, но и на случай вооруженнаго возстанія. Настроеніе доходило до высокаго энтузіазма: случалось,

женщины снимали съ себя золотыя украшенія и бросали ихъ въ подставленныя для сборовъ шапки. Самъ Коалиціонный совѣтъ тоже собиралъ деньги для вооруженія студенчества. Былъ выдѣленъ особый комитетъ вооруженія, который покупалъ оружіе; сформированы пятнадцать отрядовъ изъ студенчества, каждый отрядъ обозначался своимъ номеромъ. Къ началу погрома въ университетѣ было 200 револьверовъ. На завтра, въ среду, одинъ профессоръ, очень бравый человѣкъ, досталъ еще 150 револьверовъ. Системы были неважныя, револьверы были плохіе, а то и такіе, изъ которыхъ легче самому искалѣчиться, чѣмъ застрѣлить другого; имѣлось всего 10 браунинговъ, пять винтовокъ частныхъ.

Отряды начали высылаться со вторника подъ вечеръ. Они импровизировались тутъ же: студенты, люди всякихъ партій и безпартійные, безъ разбору входили въ одинъ и тотъ же отрядъ, такъ что произошло общее соединеніе и даже сліяніе въ моментъ погрома. Но сколькихъ бы стоило хлопотъ, умничанья, резолюцій и фразерства, если бы подобное соединеніе пришлось организовать заранѣе! Да, впрочемъ, оно наврядъ ли бы и сорганизовалось: изъ-за умничанья, нужнаго дѣла бы не сдѣлали. Точно такъ же не разбирался партійный цвѣтъ того человѣка, который попадалъ въ диктаторы отряда, и случилось, что отрядомъ, состоявшимъ въ большинствѣ изъ бундовцевъ, командовалъ с.-с. или, наоборотъ, — словомъ творились дѣла небывалыя, а дрались между тѣмъ хорошо, только съ плохимъ оружіемъ.

Въ среду много оружія было роздано въ одной сіонистской синагогѣ.

Въ отряды входили студенты, и русскіе, и евреи, еврейскіе рабочіе, еврейская молодежь всякихъ оттѣнковъ, очень немного русскихъ рабочихъ, людей партій, т. е. такихъ людей, которые твердо пристали къ какой-нибудь революціонной партіи, а не только обрѣтаются въ сферѣ вліянія ея. Прекрасно дѣйствовало мореходное училище; ученики, конечно, все русскіе, и что всего удивительнѣе, почти не затронутые пропагандой. И нѣкоторые взрослые моряки дѣйствовали мужественно и товарищески. Видно, лейтенантъ Шмидтъ — первый во флотѣ, но не единственный. Было и одно выступленіе цѣлаго отряда русскихъ рабочихъ, а именно, желѣзнодо-

рожныхъ; на Сѣнной площади въ нихъ стрѣляли войска, нѣкоторые были убиты, а остальные отступили. Было и другое выступленіе, о которомъ въ городѣ почти совершенно ничего не знаютъ, и о немъ будетъ ниже. Вообще должно замѣтить, что нигдѣ не знаютъ такъ мало объ одесскомъ погромѣ и самообороне, какъ въ центральныхъ улицахъ той же Одессы. И нигдѣ не распространено такъ много лживыхъ преданій о немъ, въ то время какъ истинно важное и цѣнное оставлено безъ вниманія.

Отрядамъ давались наименованія по буквамъ греческой азбуки: отрядъ альфа, бета и такъ далѣе, иные отряды обозначались номерами. Какъ эти отряды дрались, каково было настроеніе у нихъ, въ какія положенія попадали — это представится картинно въ разсказахъ самооборонцевъ, приведенныхъ ниже. Должно одно сказать, что громилы, завидя отрядъ, вездѣ удирали съ криками: „студенты идутъ! левольверы!“ Но противъ войскъ и солдатскихъ винтовокъ отряды были безпомощны.

Прессой была распространена легенда о громадномъ числѣ хулигановъ, взятыхъ въ плѣнъ самообороной и загнанныхъ въ университетъ. Называлась цифра въ 800—900 человѣкъ; на самомъ же дѣлѣ надлежитъ уменьшить эти числа въ десять разъ. Громилы отводились въ университетъ только въ самомъ началѣ погрома, а потомъ были дѣла поважнѣе, чѣмъ конвоировать громилъ.

Отряды университетской, т. е. организованой самообороны, работали со вторника вечеромъ до четверга пополудни: въ этотъ день университетъ былъ окруженъ войсками. Командовавшій ими, штабсъ-капитанъ что ли, видно, любитель литературы, заявилъ, что въ случаѣ хотя бы одного выстрѣла изъ университета, онъ „сравнитъ его съ землей“.

К.-с. принялъ экстренныя мѣры. Въ университетѣ было много народу всякаго; сюда прибѣгали, чтобъ поступить въ отряды, здѣсь-же многіе прятались отъ погрома. Могъ оказаться провокаторъ, который выстрѣлилъ бы и такимъ образомъ далъ бы сигналъ къ общей бойнѣ. Пришлось, такъ сказать, удостовѣрять самоличность всякаго; всѣ оказались болѣе или менѣе надежны. Университетъ внутри былъ забаррикадированъ на случай нападенія войска. Отряды въ городъ болѣе не высылались; во-первыхъ, они

нужны были для охраны университета, затѣмъ это было бы совершенно напрасно; кругомъ университета и въ окрестныхъ улицахъ — повсюду были войска, и всякій отрядъ былъ бы мгновенно уничтоженъ. Однако, находились смѣльчаки, которые отправлялись въ одиночку; большей частью они погибали. Такъ погибъ студентъ-армянинъ Аветисъ Саркизовъ Аруньянцъ. Это былъ извѣстный всему городу „студентъ въ буркѣ". Смѣлъ и благороденъ былъ этотъ человѣкъ, и въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ выдѣлялся онъ. Съ винтовкой за спиной, покрывшись сверху буркой, онъ вышелъ изъ университета. Онъ прошелъ всего одинъ кварталъ; на углу Преображенской и Дерибасовской его остановилъ солдатскій патруль, нащупали ружье подъ буркой — и Аруньянца застрѣлили. „Насъ сдружила неволя, познакомила общая доля!" Эта общая доля связала насъ, евреевъ, невидимыми узами съ армянами. Миръ твоему праху, сынъ родного намъ по мукѣ, много борющагося и много губимаго мужественнаго народа! Спи въ славной могилѣ.

Четвергъ послѣ полудня — это самое ужасное время погрома, и тогда организованная самооборона не дѣйствовала; но зато выступила самооборона неорганизованная. На нѣкоторыхъ улицахъ сконцентрированной чисто еврейской нищеты и трудовой массы: на Госпитальной (по даннымъ книжки Бродовскаго „Еврейская нищета въ Одессѣ" тутъ больше 4000 душъ въ 1900 г. прибѣгало къ общественной благотворительности), на Болгарской (по даннымъ той же книжки въ томъ же году было около 3000 таковыхъ), на Малой Арнаутской, также на Канатной — организовались сильные отряды мѣстныхъ жителей. Вооруженные чѣмъ попало: топорами, сѣкачками, оглоблями — они оборонялись, какъ волки у берлоги. Расплываясь по домамъ передъ войскомъ, они снова выходили изъ домовъ и соединялись, лишь только войско уходило. Оборонялись съ такой же рѣшительностью и ожесточеніемъ, съ какимъ нападали на нихъ, и почти совершенно отстояли свои улицы.

Достовѣрно была брошена въ Одессѣ во время погрома одна лишь бомба, и возымѣла она дѣйствіе почти медицинское: къ тому кварталу, гдѣ она была брошена, подступались съ большой опаской.

Разсказъ еврейскаго рабочаго изъ отряда самообороны.

„Во вторникъ уже передалъ мнѣ кто-то, что царь подписалъ-де конституцію. Я только плечами пожалъ, наше время на ложь урожайно, и пошелъ на биржу. Тамъ толковалось насчетъ того, что полиція выкрала трупы товарищей, и что надо мѣры принять. Вдругъ въ 12 часовъ появился на улицахъ манифестъ. Какая тогда радость пошла въ городѣ, это вы знаете. Я пошелъ съ демонстрантами на Малороссійскую; попутно снимали мы рабочихъ съ работы, отчасти потому, что не были еще совсѣмъ увѣрены, что бастовать не зачѣмъ, а, во-вторыхъ, демонстрируй-молъ, съ нами на радостяхъ. У Бѣлоградова въ колбасной говорятъ намъ: „будетъ вамъ свобода, узнаете!“ Однако, съ работы сошли. Да еще у воротъ домовъ стоятъ какіе-то хмурые граждане и шепчутъ зловѣще: „погодите, порадуетесь! Вотъ кому свобода, жидамъ дана“. Кисловато на душѣ становилось, однако, ничего дурного не ждали. Отдемонстрировали весело и по Преображенской назадъ въ университетъ пошли. У университета — рѣчи, флаги, дѣло извѣстное, а все же радости такой я никогда не видывалъ, развѣ въ „Потемкинскіе“ дни, хотя и говорили, конечно, что свобода еще у нихъ, а не у насъ и т. д. Эту радость надо было самому видѣть, а разсказывать — языка не хватитъ. Радуемся такъ, и вдругъ прибѣгаетъ студентъ и говоритъ, что на Дальницкой погромъ. Эка пакость! Совсѣмъ не ожидали. Открыли университетъ и стали отряды составлять. Не помню зачѣмъ, но мнѣ пришлось изъ университета домой пойти. Вдругъ останавливаютъ меня товарищи и суютъ мнѣ въ руки двѣ коробки съ револьверами, да еще у нихъ есть. Зашли мы въ кухмистерскую, и тутъ же открыто, было роздано 80 револьверовъ, да каждому еще по 20—25 патроновъ. Оружіе это было не то дано добровольно, не то взято насильно въ магазинѣ Г—га, — хорошенько не разобралъ.

Вооруженные молодые люди отправились въ университетъ на извозчикахъ. Я самъ уже ночью присоединился къ отряду, шедшему на Дальницкую. Экспедиція была неудачна. Вышло дѣло такъ: нарѣзались мы на солдатъ, они — насъ обстрѣливать. Тогда

легли мы прямо въ грязь на брюхо, и такъ отстрѣливаемся. Ночь, туманъ, въ туманѣ дождь цѣдитъ, внизу грязь липкая; вдругъ сверкнетъ у нихъ выстрѣлъ, пуля прожужжитъ; треснетъ выстрѣлъ и у насъ; издалека слышно, какъ хулиганство оретъ. Не сладко! Стрѣляли мы больше изъ форса, такъ какъ наши пули до нихъ не долетали, да и ихъ пули намъ мало вреда причиняли. Лежа въ грязи и пострѣливая, мы постепенно отодвигались назадъ, и такъ до угла, гдѣ ужъ можно было подняться и убѣжать. Около часа лежали мы въ грязи. — На обратномъ пути нашъ отрядъ разогналъ выстрѣлами грабившихъ хулигановъ.

Пришли мы наконецъ въ университетъ. Было тамъ такъ устроено, что кто со стычки пришелъ, тотъ въ патрульные а свѣжіе люди назначались въ отряды. Патрули смѣнялись каждые два часа. Караулили университетъ. Если попадался человѣкъ съ награбленнымъ, его брали за шиворотъ и вели въ университетъ. Конечно, это только въ ту пору дѣлалось, въ началѣ погрома; а потомъ, когда начались массовыя убійства, невозможно ужъ было, такъ какъ вести арестованнаго въ университетъ значило-бы самому быть десять разъ убитымъ. Тогда грабителей пристрѣливали. Да и что врать? не до гуманности уже было намъ тогда: сами звѣрѣли, и нельзя иначе, — не ангелы...

Среда. Утромъ передаютъ, что на Ремесленной громятъ. Пошелъ я съ отрядомъ въ 18—20 человѣкъ. Разогнали хулигановъ, грабившихъ бондарню. Вдругъ встрѣчаемся мы съ цѣлымъ отрядомъ городовыхъ съ револьверами. Мы стали хитрить. Они насъ обойти желаютъ, а мы ихъ. Танцуемъ такъ по улицѣ другъ противъ друга, не стрѣляемъ. Боя принять не желаемъ, а имъ не хочется, а боимся другъ друга. Разсыпался нашъ отрядъ, снова собрался, и въ университетъ пришли. — Потомъ я былъ въ большомъ отрядѣ, который пошелъ на Госпитальную. На Госпитальной присоединилось къ намъ много мѣстныхъ жителей, и стало насъ человѣкъ 200. Спустились мы внизъ до Степовой, а тамъ на углу офицеръ съ цѣлой ротой солдатъ, и тутъ-же погромъ наглѣйшій, у нихъ же на глазахъ. Нашъ „диктаторъ“ М. и другой студентъ взяли въ руки по бѣлому платку, махаютъ ими: идемъ, молъ, съ миромъ; подошли къ

офицеру и стали съ нимъ говорить. Должно быть, просили, чтобъ либо онъ самъ разогналъ громилъ, либо намъ позволилъ. Мы сзади не слышимъ, что наши представители говорятъ, но зато слышимъ выкрики офицера: „Не надо! не надо! Вы ходите по улицамъ и успокаивайте жителей. Не то стрѣлять прикажу.“ И нашего парламентера М. арестовалъ.

Скверно было отступить, да дѣлать нечего: рота солдатъ — не шутка! Отретировались. Тѣ, что на Госпитальной пристали, тамъ и остались, и когда мы вышли на Преображенскую, насъ ужъ было немного. На углу Тираспольской и Нѣжинской повстрѣчали мы патріотическую манифестацію. Гоготъ, орутъ: „Да здравствуетъ царь съ царицей!“ Тутъ и войско, и городовые, и вольные люди, босачье съ флагами. Говорятъ, имъ за восторгъ по 50-ти коп. на брата платилось. Насъ было всего 40 человѣкъ, болшинство русскихъ студентовъ. Пришлось отступить и передъ манифестаціей. Наконецъ, дошли до университета. Скоро явился и М. Его, оказалось, отпустили.

Потомъ опять, съ нѣсколькими товарищами попалъ я на Ямскую улицу. Бѣжитъ намъ навстрѣчу какой-то морской офицеръ и говоритъ: „Товарищи, лавки громятъ!“ Подошелъ онъ къ магазину и выпалилъ, мы за нимъ; и посыпалось изъ дверей хулиганство, какъ клопы изъ щели. Вдругъ изъ-за угла появились солдаты и городовые и стали стрѣлять по нашимъ. Первый былъ раненъ морякъ, въ лѣвую ладонь (я самъ ему руку перевязывалъ), затѣмъ одинъ изъ товарищей, тоже въ руку, и еще грузинъ одинъ.

По дорогѣ изъ Ямской присоединились мы къ отряду „Альфа“. Командовалъ имъ тотъ же М., что раньше. Задачей отряда было выйти окольными уличками на Дальницкую, гдѣ сильно громили. Прошли Торговую, въ концѣ Торговой опять манифестанты-„патріоты“. Они стали гоготать и будто звать насъ къ себѣ. Ни дать ни взять, злая собака, которая еще не кусается, но укуситъ непремѣнно: бить ее какъ бы совѣстно, а надо бы. Стараемся мы патріотовъ съ миромъ пропустить мимо себя. — Какъ поравнились они съ нами, стали въ насъ стрѣлять. Выстроились мы шеренгой вдоль по улицѣ и палимъ въ толпу. Вышелъ городовой изъ будки и стрѣлятъ вдоль насъ. Крайній изъ нашихъ, грузинъ, подкрался къ нему

за будку и оттуда досталъ его пулей, убилъ. Вдругъ изъ-за заднихъ рядовъ манифестантовъ вышли солдаты. Тутъ положеніе перемѣнилось. Мы бросились въ одинъ домъ. 50 нашихъ успѣли ворваться въ ворота, а остальные 70 — въ бывшую, тамъ-же, пекарню Верготти; и оттуда мы отстрѣливались, одни изъ пекарни, другіе изъ воротъ. Когда солдаты стали наступать, наши бросились изъ пекарни на второй этажъ. Стали солдаты стрѣлять пачками. Тѣ, что укрылись во второмъ этажѣ, отъ стрѣльбы не страдали, а изъ тѣхъ, что за воротами, оказались раненые; нашъ М., да еще четыре человѣка. Булочника отъ Верготти тоже убили за то, что пустилъ насъ; какъ будто его спрашивали и его воля была. Пропустили однако къ намъ санитарный отрядъ, онъ сдѣлалъ перевязки. Вышелъ затѣмъ врачъ и сталъ просить, чтобъ выпустили раненыхъ; но въ него принялись стрѣлять, ранили, и онъ, говорятъ, умеръ черезъ два дня. Тогда я переодѣлся санитаромъ и побѣжалъ въ университетъ за помощью.

— Какъ же васъ пропустили?

— А я почемъ знаю! Я на это съ отчаянья рѣшился. Должно быть, стихъ такой былъ у офицера, что меня пропустилъ, а въ доктора стрѣлялъ. Кто его объяснитъ? Прибѣжалъ я въ университетъ, а тамъ передъ комнатой К.-с. цѣлый хвостъ людей, прибѣжавшихъ съ докладами отъ разныхъ отрядовъ. Расталкиваю я всѣхъ и кричу: важное дѣло! Былъ таки посланъ отрядъ на выручку. Онъ оказался уже лишнимъ: солдаты не стали брать дома приступомъ и ушли.

Возвратились мы всѣ въ университетъ. Была уже ночь. Накормили насъ въ университетѣ хлѣбомъ съ чаемъ, и легли мы спать на два часа. Потомъ разбудили насъ и послали караулить. Такъ смѣнялись мы нѣсколько разъ за эту ночь. Ночь была дождливая, темная, зги не видать; стоимъ у университетской рѣшетки и пересвистываемся: если свистъ плавный, значитъ, благополучно; если неплавный, значитъ — тровога! Поздно ночью была сильная и напрасная тревога: приходили какіе то безоружные солдаты охранять какой-то пакгаузъ.

Въ четвергъ я почувствовалъ себя совершенно больнымъ. Почти цѣлую недѣлю уже, отъ самаго случая при гимназіи Березиной, я ни разу не раз-

дѣвался и не выспался порядкомъ, все время на ногахъ и на улицѣ. Нервы притупились и издергались; я почувствовалъ себя совершенно негоднымъ; чувствовалъ, что могу свалиться вдругъ на ходу. Мучительно захотѣлось быть хоть полчаса одному. Я забѣжалъ изъ университета къ товарищу, на счастье никого не было у него въ комнатѣ. А у меня, ознобъ и дрожь; вздремнулъ я немного. Вдругъ просыпаюсь и, не отдавъ себѣ отчета, выбѣгаю на улицу. Тутъ мнѣ говорятъ, что отрядъ хулигановъ хочетъ по Земской прорваться на Малую Арнаутскую, а другая часть по Большой Арнаутской на Пушкинскую, что поджигаютъ домъ Купервассера. Я — туда; а тутъ уже работали теплые ребята изъ мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ нѣсколько мясниковъ съ Большой Арнаутской и пр. И была тутъ задана хулиганамъ такая трепка, какой они въ Одессѣ еще, кажется, не получали. Кромѣ раненыхъ, ихъ было тутъ найдено, говорятъ, потомъ три десятка труповъ.

Подъ вечеръ передаютъ, что на Ришельевской громятъ. Я пробираюсь туда по подстѣнкамъ, а меня обстрѣливаютъ. Забрался я въ какую то синагогу и тамъ переночевалъ. Въ пятницу я патрулировалъ на нѣкоторыхъ улицахъ, но ничего интереснаго не произошло тамъ.

Я былъ потомъ въ больницѣ и на кладбищѣ, но что я тамъ видѣлъ и перечувствовалъ, этого разсказать вамъ не берусь.

Разсказъ уличнаго самообороннца,

молодого еврейскаго рабочаго.

Живу я на Госпитальной. Плохой револьверчикъ у меня имѣется свой. Во вторникъ былъ я у университета и, услыхавъ о погромѣ, побѣжалъ домой. Въ среду утромъ прошла у насъ по Госпитальной толпа громилъ и перебила стекла. Тогда стали мы, мѣстные жители, выходить изъ домовъ, вооружаться чѣмъ попало и устроили охрану. Въ полдень проходитъ по нашей улицѣ отрядъ изъ университета. Мы, уличные, стали присоединяться къ отряду и образовалась толпа человѣкъ въ 200.

(Тутъ идетъ разсказъ о томъ же отрядѣ, въ которомъ участвовалъ первый самообороннецъ.) Должно замѣтить, что оба разсказа отнюдь не совпадаютъ во

всемъ, но ни въ чемъ существенномъ не отличаются. Какъ извѣстно, и криминалистамъ никогда не удалось получить двухъ совершенно сходныхъ свидѣтельскихъ показаній очевидцевъ. Подобное несходство доказываетъ только то, что свидѣтели между собой не сговорились, а совершенно искренни и правдивы; просто, видѣли событіе съ различныхъ точекъ, либо различно оцѣнивали его. Такъ, одинъ можетъ опредѣлить толпу въ 300 человѣкъ, другой — въ 200. Всякій знаетъ, какъ трудно глазомѣромъ пересчитать толпу.

Разсказчикъ прошелъ съ отрядомъ до угла Нѣжинской и оттуда вернулся обратно на Госпитальную.

„... Было уже два часа пополудни. На душѣ черно, что въ печной трубѣ. Чувствовалось, что дѣло скверно и страшно. Кругомъ громили: на Прохоровской, на Дальницкой, на Степовой. Мечемся мы по улицѣ съ револьверами, съ палками, съ сѣкачками, съ топорами — мечемся и нервничаемъ: что-то будетъ? когда-то къ намъ придутъ? Вдругъ слышимъ, что на Чумкѣ погромъ. Бросилась часть нашихъ туда черезъ переулки. Анъ тамъ хулиганства чуть не цѣлая сотня, и первые же въ насъ стрѣлять начали. Мы дали по нимъ залпъ, а затѣмъ въ рукопашную. Разлетѣлись они, а съ десятокъ ихъ осталось на мѣстѣ.

Пришли мы назадъ и стали мы обыскивать проходящихъ неевреевъ. Идетъ человѣкъ въ полушубкѣ съ узелкомъвъ красномъ платочкѣ; стали мы развязывать узелокъ и нашли въ немъ револьверъ, какъ у городовыхъ. Кто? Откуда? Не отвѣчаетъ ни слова, только къ стѣнѣ прижался и глазами поводитъ во всѣ стороны... Никогда не забуду я выраженія этихъ глазъ. Вдругъ подлетѣлъ одинъ человѣкъ и говоритъ: „Да вѣдь это городовой... у насъ на посту стоитъ... Вѣдь тамъ стоишь? Да?“ Ничего не отвѣчаетъ; самъ красный такой, толстый. „А, провокаторъ! Переодѣлся, нашихъ губить пришелъ!“ Я выстрѣлилъ въ него, ранилъ въ животъ, но не убилъ, и стали добивать его палками, сѣкачками. Я засунулъ его въ какую-то дверь: жалко было и гадко смотрѣть, какъ его добивали. За дверью онъ скончался.

Въ тотъ же день задержали двѣ подводы съ награбленнымъ добромъ. Возницъ уложили, а награбленное отправили въ еврейскую больницу.

Въ четвергъ въ 11 часовъ утра я съ нѣсколькими товарищами стояли на Средней улицѣ и обыскивали

проходящихъ. Вдругъ баба сукно несетъ, я къ ней. Она бросила сукно и кричитъ: „Батюшка, не знаю!“ Что съ ней подѣлаешь? Хотѣлъ я ее въ какія-нибудь ворота засунуть, будто для ареста. Открываю калитку, а во дворѣ казакъ, ружье на меня наводитъ. Даже холодно стало, отскочилъ и удралъ.

Потомъ на Косаркѣ наши 10 человѣкъ разогнали полсотни хулигановъ. Пришла полиція съ казаками, и стали стрѣлять по нашимъ. Тутъ былъ убитъ Іехіэль-бундовецъ, заготовщикъ, лѣтъ 30. Славный былъ парень.

Удираю я, шмыгнулъ съ Комитетской на Прохоровскую черезъ сквозной дворъ. Въ это время въ Третецкомъ переулкѣ рѣзали. Тамъ произошла ужасная во всей Одессѣ рѣзня. Словно варомъ, пахнуло на меня оттуда гоготомъ и ужасомъ. Добрался, наконецъ, до Госпитальной.

Дѣло было уже къ вечеру. Вдругъ начинаетъ проѣзжать по нашей улицѣ артиллерія за ней пѣхота. Всѣ попрятались по домамъ. Я одѣлъ солдатскую шинель, папаху — у меня такая форма осталась отъ бѣглаго солдата — и вышелъ, сталъ у воротъ. Отдалъ я офицеру честь, онъ мнѣ отвѣтилъ. Проѣхали. Стали наши изъ домовъ вылѣзать. Тутъ ужъ съ другой улицы хулиганство показалось. Думали, что должно быть, что коли войско пришло, значитъ, пожива будетъ. И вдругъ солдаты повернулись къ намъ и выстрѣлили. Было ранено четыре человѣка въ томъ числѣ и я въ руку.

Пробираюсь я черезъ дворы въ еврейскую больницу. Она у насъ на углу. И по крышѣ перелѣзть пришлось. Встрѣчаетъ меня въ больницѣ матушка и говоритъ: „Хорошо, что ты раненъ! Теперь ужъ тутъ будешь! — Нѣтъ, говорю, мама! Опять пойду.“ Она пряталась въ больницѣ вмѣстѣ со многими другими. Перевязали мнѣ руку, и пошелъ я назадъ. — Ночью мы патрулировали по Госпитальной, смѣняясь. Собралось нашихъ 10 человѣкъ на одной квартирѣ, самоваръ поставили, хлѣба поѣли и еще кой что....“

Мой собесѣдникъ вдругъ сильно сконфузился.

— Съ чѣмъ ѣли хлѣбъ? — настаивалъ я.

— Съ конфетами. Ничего другого не было. Да и вообще было довольно весело.

Тутъ мы оба разсмѣялись такъ сильно, что у моего собесѣдника и конфузъ прошелъ. Мы безъ словъ

поняли другъ друга, поняли, что въ дни бѣдствій существенныхъ однимъ изъ лучшихъ даровъ является способность посмѣяться немного, когда выдается минута отдыха.

Ночью на небѣ видны были зарева пожаровъ. Горѣла карамельная фабрика Крахмальникова, и бумажки карамелекъ летали въ заревѣ, какъ розовые мотыльки; онѣ залетали до самыхъ краевъ Дальницкой.

Въ пятницу утромъ съ товарной станціи пошла процессія желѣзнодорожниковъ. Впереди несли большое бѣлое полотнище на двухъ палкахъ. Одну палку держалъ солдатъ, а другую рабочій. Они ходили и кричали: миръ! Вслѣдъ за ними выходили и евреи и присоединялись къ нимъ. Прошли они по Малороссійской и затѣмъ по переулкамъ и Госпитальной и добрались до угла Степовой. Тутъ стоялъ приставъ съ солдатами. Съ желѣзнодорожниками былъ и жандармъ. Онъ подошелъ къ приставу и какой-то пакетъ ему подалъ. Приставъ пакета не взялъ и закричалъ: „Уйдите, не надо васъ!“ Солдаты выстрѣлили. Мы всѣ разошлись.“

Объ этомъ случаѣ, какъ и о многихъ другихъ, въ городѣ совершенно не знали. Вѣдь отрицался же нѣкоторыми скептиками вообще даже самый фактъ выступленія желѣзнодорожныхъ рабочихъ для обороны; даже въ „Газманѣ“, кажется, писалось въ этомъ смыслѣ; и скептики угомонились только тогда, когда были опубликованы имена убитыхъ. Кстати, приведенный сейчасъ разсказъ я имѣлъ возможность провѣрить и получить подтвержденія изъ различныхъ источниковъ. Впрочемъ, правдой пахнуло на меня отъ него съ самаго начала. Ложь, по еврейской пословицѣ, всегда бываетъ „кругла“; противорѣчія и особенно, непонятное бываетъ только въ истинѣ...

Результаты погрома.

Что успѣли совершить Нейдгартъ, Каульбарсъ, ихъ присные и къ нимъ присоединившіеся за три съ половиною дня разбоя? Результаты ихъ дѣятельности были суммированы на еврейскомъ кладбищѣ и въ еврейской больницѣ. Что пережили люди въ день великаго погребенія, а также во время пребыванія вь больницѣ — это рѣдко кто брался мнѣ разсказывать, а тѣмъ болѣе я не возьмусь описывать за ними.

Если, впрочемъ, кто и разсказывалъ, то плохо, и я, наконецъ, сталъ отказываться отъ подобныхъ услугъ, ибо понималъ, что только одному изъ милліоновъ дается перелить въ слова подобный ужасъ.

Имущественныя потери — не по моей части. Не коснусь также статистики раненыхъ — остановлюсь на убійствахъ. Списокъ ихъ имѣется въ брошюркѣ, изданной одесскимъ раввинатомъ; впрочемъ, въ городѣ говорятъ, что этотъ списокъ отнюдь не отличается полнотой. Пришлось также натолкнуться въ немъ на случай плеоназма: убитый студентъ Аветисъ Саркизовъ-Аруньянцъ оказался утроеннымъ, записано отдѣльно: Аруньянцъ, Саркизовъ и Аспетисовъ. Не приведены имена нѣкоторыхъ убитыхъ на Слободкѣ.

По списку число убитыхъ евреевъ 302, изъ нихъ самооборонцевъ 55; христіанъ-самооборонцевъ 15, изъ нихъ 6 студентовъ и 1 лаборантъ. Число убитыхъ еврейскихъ самооборонцевъ несомнѣнно неполно, ибо подсчитали, видно, однихъ отрядныхъ, „уличныхъ" же никто не считалъ и не регистрировалъ.

Стоитъ остановиться на отмѣченныхъ въ спискѣ самооборонцахъ. Лѣта — отъ 13 до 33-хъ; все больше рабочіе и учащаяся молодежь; людей, опредѣленно примыкавшихъ къ какимъ-нибудь партійнымъ организаціямъ, 10—12; встрѣчаются въ этомъ спискѣ имена четырехъ женщинъ. Женщины во время погрома большей частью дѣйствовали въ санитарныхъ отрядахъ, которые не разъ обстрѣливались войсками; но нѣкоторыя работали и револьверами.

И въ остальныхъ убитыхъ — 45 неопознанныхъ; опознанныхъ 179 мужчинъ и 23 женщины. Возрасты ихъ всякіе — отъ года до восьмидесяти; особенно много убитыхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ — 43 человѣка. Эти люди, очевидно, либо участвовали въ уличной самообороне, либо менѣе осторожно прятались, чѣмъ другіе, либо не такъ покорно давали грабить, — и ихъ рѣзали. Подростковъ отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ убито 21, малыхъ дѣтей менѣе 10-ти лѣтъ — пять мальчиковъ и двѣ дѣвочки. Велико число убитыхъ стариковъ — 60-ти и больше лѣтъ — 16 человѣкъ, старухъ тѣхъ же лѣтъ убито 5. Чтобы понять ужасъ этихъ цифръ, нужно помнить, какъ малъ вообще среди насъ процентъ людей такого почтеннаго возраста. Изъ старухъ — три старше 70 лѣтъ, а изъ мужчинъ четверо, одинъ

восьмидесятилѣтній. Большинство убито тупыми орудіями; но зарегистрированные самооборонцы убиты всѣ пулями солдатъ и городовыхъ.

Сразу бросается въ глаза незначительное, сравнительно съ мужчинами, число убитыхъ женщинъ. Одной случайностью этого не объяснишь, приходится допустить слѣдующія двѣ причины: во-первыхъ, мужчины уступали женщинамъ болѣе надежныя убѣжища; во-вторыхъ, женщинъ охотнѣе насиловали, чѣмъ убивали. На то же, чтобы и изнасиловать, и убить — на это не у всякаго громилы хватало темперамента. А что попадались темпераменты и настолько обширные, за это ручается практика не одного одесскаго погрома.

Громилъ убито много. Никто ихъ не считалъ и не интересовался узнать точное число ихъ; во всякомъ случаѣ, какъ увѣряютъ, ихъ не менѣе сотни.

Таковы результаты.

Кто произвелъ одесскій погромъ?

Строго объективный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ возможенъ лишь послѣ большого и долгаго изслѣдованія. Но тѣмъ не менѣе вполнѣ законны и личныя мнѣнія, основанныя, конечно, не на личномъ расположеніи духа, а на личныхъ наблюденіяхъ и опытѣ. Итакъ, по всему тому, что я видѣлъ и слышалъ въ Одессѣ, я отвѣчаю: одесскій погромъ произвели не хулиганы, миѳическіе хулиганы, которые „никогда не обѣдаютъ и вѣчно дерутся“.

Всѣмъ извѣстенъ въ Одессѣ фактъ, что въ погромные дни полиція не пускала въ городъ босяковъ изъ порта, такъ какъ она боялась, видимо, чтобы портовые босяки, вмѣсто того, чтобы ходить далеко на Молдаванку громить еврейскую бѣдноту, не разграбили бы тутъ же на мѣстѣ прилегающихъ къ порту лучшихъ улицъ Одессы. Если босяки съ толкучаго рынка и участвовали въ погромѣ, то не больше, чѣмъ всякіе другіе элементы. Въ городъ погромъ приходилъ, и тамъ ничего не могутъ знать о составѣ убійцъ и грабителей.

Приходилъ онъ изъ окраинъ: изъ Дальницкой, изъ Балковской, изъ Бугаевки и т. д. Здѣсь составлялись тѣ толпы, которыя наступали на городъ, а каковъ былъ составъ громилъ тамъ на мѣстѣ, мнѣ представляется, кажется, съ достаточной

ясностью. Выходитъ, что несомнѣнные хулиганы, напримѣръ, профессіональные воры, дѣйствовали — выше я привелъ тому нѣсколько примѣровъ —, съ большею гуманностью, чѣмъ т. н. мирные жители.

Одесскій погромъ произвели полиція, войска и всякіе другіе люди, которымъ угодно было въ эти дни грабить и убивать насъ. Больше всего убійствъ, кажется, на душѣ у переодѣтыхъ и непереодѣтыхъ полицейскихъ. Сильно отличались и извозчики, нѣкоторые хозяйственные, имѣющіе до пяти лошадей. Одного такого мнѣ указали. Свирѣпствовали мелкіе ремесленники и лавочники, рабочіе и подмастерья всякихъ мастерскихъ, фабрикъ и производствъ. Тѣ, которые не громили, относились къ дѣлу, либо злорадствуя, либо безучастно; защищали насъ очень немногіе.

Я увѣренъ, что картины погрома въ другихъ мѣстахъ мало чѣмъ отличаются отъ погрома въ Одессѣ, хотя не могу представить этому теперь же достаточныхъ доказательствъ. Но, вѣдь, и сторонники противнаго мнѣнія не представляютъ ужъ никакихъ доказательствъ. Я ѣздилъ въ Одессу именно затѣмъ, чтобы найти чисто провокаторскій погромъ, но — увы! — не обрѣлъ его.

Сказку про хулигановъ (если не понимать это слово этически) выдумали слабоумные еврейскіе болтуны, которымъ страшно въ глаза правдѣ посмотрѣть, и хитроумные либералы, которымъ желательно отъ страшнаго вопроса отдѣлаться дешевой резолюціей. Люди, которые не принадлежатъ ни къ болтунамъ, ни къ фарисеямъ, осмѣливаются утверждать иное.

Въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей въ Швейцаріи Плехановъ выразился, что наряду съ полиціей въ погромахъ участвовали и безсознательные русскіе рабочіе. Для всякаго, кто не утверждаетъ, что пролетарій рождается сразу на свѣтъ соціалистомъ и демократомъ, — это обстоятельство вполнѣ понятно и допустимо. Точно такъ же въ началѣ этого года журналъ „Правда“ съ полнымъ основаніемъ осмѣивалъ тѣхъ бакинскихъ „резолюціонеровъ“, которые утверждали, что между татарами и армянами никакой національной вражды нѣтъ: все, молъ, одинъ Накашидзе надѣлалъ и т. д.

На послѣднемъ земскомъ съѣздѣ Родичевъ горячился: русскій народъ не виновенъ въ пролитой

еврейской крови — одно начальство. Напрасно въ открытыя двери ломиться! Никто не думаетъ уменьшить вины начальства и никто не думаетъ обвинять весь русскій народъ, — меньше всего склонны сдѣлать это мы, евреи. Мы знаемъ, чего стоятъ огульныя обвиненія, ибо много перепало намъ отъ нихъ по шеѣ. И тѣмъ не менѣе, нужно видѣть правду, а не удовлетворяться дешевой словесностью. Нужно знать правду, чтобы принимать правильныя мѣры самозащиты, а не мнимыя.

По всему тому, что я видѣлъ, слышалъ и во что вдумывался въ Одессѣ (кто со мной не согласенъ, пусть тоже идетъ, смотритъ, слышитъ и вдумывается — просто отрицать недостаточно) — по всему этому я утверждаю: нашихъ мужчинъ въ Одессѣ рѣзали, нашихъ женщинъ насиловали не горьковскіе Челкаши, а тѣ добродушные хлѣборобы и прочіе сосѣди, одинъ изъ которыхъ и самого Челкаша чуть не зарѣзалъ.

Какъ же такъ? вѣдь это страшно!

Страшно, да, но такъ оно есть.

Отцомъ погрома является провокація, матерью — антисемитизмъ массы.

Объ антисемитизмѣ мы, евреи, вѣчно говоримъ, но чураемся его, какъ ребенокъ темной комнаты, и, странно сказать, нѣтъ даже у насъ ни одного дѣльнаго изслѣдованія по этой части, тогда какъ чуть не цѣлыя сочиненія написаны о томъ, въ какомъ году наши раввины стали носить мѣховыя шапки съ хвостами.

Тѣмъ не менѣе кое-что объ этомъ явленіи сказать можно.

Данныя для погромовъ.

Существуетъ ли ненависть между рядомъ живущими евреями и неевреями?

Нѣтъ, не существуетъ. Имѣется нѣчто и меньшее и худшее: непріязнь. Ненависть — это чувство энергичное и потому не можетъ быть длительнымъ; къ ненависти даже не всякій способенъ. Непріязнь — это чувство не сильное, но живучее, каждому доступное; вдругъ, оно сгущается въ ненависть.

Основой антисемитизма, какъ и всякой междуплеменной непріязни, является дикарское недоброжелательство къ иноплеменникамъ. Дикарь инстинктивно

считаетъ человѣка непохожаго на него не только враждебнымъ, но и смѣшнымъ и недостойнымъ уваженія.

Корней одесскаго погрома надо искать на окраинахъ; корней всякихъ погромовъ ищите на окраинахъ жизни, гдѣ она всего проще и доступнѣе наблюденію.

Вотъ въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ или селѣ живутъ рядомъ десятки, а, можетъ быть, сотни лѣтъ крестьяне и евреи. Крестьяне достаточно некультурны, евреи немного культурнѣе. Ненавидятъ ли другъ друга эти люди? — Нѣтъ. Уважаютъ ли? — Опять-таки нѣтъ. Горькій въ своей „Ярмаркѣ въ Голтвѣ" отмѣчаетъ, что хохлы, обращаясь между собой на „вы", жидамъ говорятъ непремѣнно „ты". Мнѣ лично не въ одномъ мѣстечкѣ на Литвѣ пришлось наблюдать обратное: евреи между собой обращаются на „вы", а съ крестьянами — на „ты". Случается, что это явленіе даже обоюдно: свои со своими на „вы", а въ сношеніяхъ международныхъ на „ты". Эти люди упорно находятъ смѣшными все другъ у друга: жесты, рѣчь, религію; крестьянинъ можетъ бояться еврейскаго Бога, но не уважаетъ Его. Пороки, въ которыхъ обвиняютъ другъ друга, замѣчательно сходны; можно даже признавать нѣкоторыя достоинства другъ у друга, тѣмъ не менѣе все это есть поганое, не свое, а жидовское, или гойское. Упреки, которые дѣлаются другъ другу, тоже поразительно сходны: упрекаютъ въ богатствѣ, въ жестокосердіи, въ вѣчномъ желаніи заѣсть противную сторону. Еврей говоритъ: „reich wie a goi"; крестьянинъ говоритъ: „богатъ, какъ жидъ". Можно даже быть въ тѣсной дружбѣ съ отдѣльнымъ жидомъ Беркой, но и это общаго отношенія не мѣняетъ; въ крайнемъ случаѣ передъ погромомъ придутъ къ этому Беркѣ и скажутъ: „Слушай, Берочка, уберись или спрячься въ это воскресенье: ребята изъ Заболотья очень ужъ злы".

Никакой экономической ненависти между крестьяниномъ и мѣстечковымъ евреемъ быть не можетъ, хотя, конечно, есть экономическія тренія. Экономическая ненависть возникаетъ между работодателемъ и наемникомъ, либо между конкурентами, но не между продавцомъ и покупателемъ, ремесленникомъ и потребителемъ его товара. Крестьянинъ второго тома „Капитала" Маркса не читалъ и не знаетъ, что

торговый трудъ есть трудъ непроизводительный; но зато онъ твердо знаетъ, что кто проливаетъ потъ свой, тотъ имѣетъ право хлѣбъ ѣсть. И Шмуля, армячнаго портного, и Берку коробейника онъ считаетъ людьми полезными себѣ, и даже существуетъ между ними нѣкоторое взаимное гостепріимство. Заѣзжая въ деревню, Берка безтрепетно стукнетъ въ окно къ крестьянину, зная, что его пустятъ переночевать; то же сдѣлаетъ и Иванъ, пріѣзжая въ мѣстечко. А между тѣмъ, не обратится онъ за ночлегомъ ни къ своему попу, ни къ своему писарю, зная, что тамъ онъ получитъ въ шею. Тѣмъ не менѣе въ то время, когда Иванъ будетъ спать у Берки или Берка у Ивана, шестилѣтнихъ пузырей будутъ стращать: „вотъ жидъ въ торбу возьметъ!“ или: „гой въ торбу возьметъ!“ — и это совсѣмъ не такъ идиллически смѣшно и невинно, какъ кажется.

Конечно, существуютъ иногда между евреемъ и гоемъ отношенія фабриканта и рабочаго, арендатора и крестьянина, но эти отношенія не характерны, и не арендатора или фабриканта застигаетъ погромъ. Экономическая ненависть существуетъ у христіанина-лавочника къ еврею лавочнику: тутъ дикарская непріязнь, напитавшись экономической враждой, выростаетъ во вполнѣ зрѣлый плодъ антисемитизма. Лавочникъ, желающій разорить конкурента, дѣлается провокаторомъ, крестьянство — поле для провокаціи. — Интересно отмѣтить, что еврейскій дикарскій „антигонизмъ“ не переходитъ въ экономическій: еврей не считаетъ себя хозяиномъ, большинствомъ, а потому не можетъ не считать законнымъ фактъ появленія христіанина-конкурента. Но христіанина-лавочника мѣшающій ему жидъ бьетъ рѣшительно по всѣмъ нервамъ: зачѣмъ онъ тутъ?

Если дѣло въ дикарской непріязни, кажется излѣчить ее было бы очень просто: для этого стоило бы обѣ стороны обучить ариѳметикѣ, географіи, а можетъ быть, популярному курсу морали на французскій манеръ. Такъ думали когда-то наивные люди. Они не знали, что тутъ дѣло не въ идеяхъ, выводами отъ ума порожденныхъ и доводами отъ ума изгоняемыхъ, а въ чемъ-то другомъ: въ предразсудкахъ и привычкахъ, тяжелыхъ и тягучихъ. Силенъ въ человѣкѣ звѣрь и еще упорнѣе дикарь. На какихъ высяхъ культуры и при какихъ общественныхъ условіяхъ

это дикарство перестанетъ насъ душить — это вопросъ, которому не мѣсто въ брошюрѣ о самообороне. На этотъ счетъ могутъ быть мнѣнія различныя, точно такъ же, какъ насчетъ грядущихъ историческихъ судебъ нашего народа. Самооборонцу важно только выяснить механизмъ погрома въ настоящее время, чтобы знать, что дѣлать. И такъ какъ все это передъ глазами, то тутъ легче столковаться.

Одной дикарской непріязни еще недостаточно для погрома. Не проходитъ базара, чтобы евреи съ христіанами не передрались, при чемъ одолѣваетъ то та, то другая сторона. Остальная, и еврейская и неевреиская публика, будетъ себѣ мирно стоять, покуривая трубки, и либо поощрять дерущихся, либо разнимать. Отъ этого погромъ еще не выйдетъ. Но пусть въ массу будетъ брошенъ какой-нибудь поводъ длительнаго и упорнаго раздраженія — и погромъ выйдетъ.

Вотъ мѣстечко одной изъ бѣлорусскихъ губерній; погрома тутъ никогда не бывало, отношенія непріязненныя, насмѣшливыя, недовѣрчивыя, презрительныя — но мирныя. При сообщаемыхъ ниже фактахъ я присутствовалъ лично.

Копали разъ яму для телеграфнаго столба, и вдругъ наткнулись подъ землей на какой-то закрытый брусьями и засыпанный колодецъ. Туда полѣзли въ чаяніи клада урядникъ и еще двое крестьянъ, и тамъ остались: въ колодцѣ оказалась углекислота. Въ ужасѣ бросились къ ямѣ и крестьяне и евреи, желая вытащить несчастныхъ. И вдругъ, въ то время какъ работали баграми, одному изъ крестьянъ пришла въ голову нелѣпая мысль, что это „жиды нарочно мину подготовили нашимъ“. И евреевъ стали бить баграми и заступами и таскать къ ямѣ, чтобъ спустить въ нее: „пусть и пархатый тамъ будетъ“. Погрома, однако, все-таки не вышло: идея была слишкомъ нелѣпа, и нѣсколько человѣкъ, которымъ удалось сохранить хладнокровіе и даръ слова, успѣли успокоить расходившихся крестьянъ. — Но вотъ въ томъ же мѣстечкѣ нѣсколько крестьянскихъ парней повздорили съ мѣстными еврейскими „демократами“ и распустили слухъ, что евреи желаютъ-де подрѣзать крестъ, стоящій на площади, — и перспектива сразу получилась весьма угрожающая. Нелѣпый слухъ разошелся по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ: недовѣрчивость и не-

пріязненность, бывшія на лицо издавна, сразу обострились. Со всей Россіи приходили извѣстія о погромахъ; евреи стали бояться, и эта-же ихняя боязнь возбуждающимъ образомъ дѣйствовала на крестьянъ. Еслибы какой-нибудь провокаторъ подрѣзалъ-таки крестъ, вышелъ бы несомнѣнный и ужасный погромъ. Пришлось евреямъ устроить охрану у креста.

И вотъ представьте себѣ, что въ среду этихъ людей, невѣжественныхъ, непріязненныхъ и недовѣрчивыхъ, вдругъ бросается идея, что евреи желаютъ погубить ихъ родину, еще больше, ихъ самихъ лично, чему и примѣръ былъ: молъ, одной служанкѣ кровь выцѣдили, представьте себѣ дальше, что этимъ людямъ внушается, что они могутъ безнаказанно грабить и убивать своего ближняго еврея и, что еще лучше, насиловать его женщинъ; представьте себѣ затѣмъ, сколько звѣрства и жестокости можетъ вдругъ проявиться въ человѣкѣ, когда онъ почувствуетъ себя хоть на нѣсколько дней безраздѣльнымъ властителемъ своего ближняго, — и вы поймете погромъ и для объясненія его не будете нуждаться въ хулиганахъ.

Вообразите себѣ только, сколько въ груди какого-нибудь мелкаго мѣщанишки, или рабочаго бѣднаго, загнаннаго, пьянаго и озлобленнаго, который на весь міръ смотритъ исподлобья и жену и товарища въ кабакѣ бьетъ смертнымъ боемъ — сколько въ такой душѣ можетъ накопиться мелочной, но ужасной злобы, бѣшенства, зависти и ненависти къ сосѣду-еврею, который тоже смѣетъ существовать и, можетъ быть, даже живетъ нѣсколько лучше его, въ то время какъ жидамъ и на свѣтѣ то быть не слѣдовало бы! И вы поймете, какъ сосѣдъ могъ отрѣзать сосѣду голову и бросить въ помойную яму, или какъ можно плясать на груди трупа.

То, что теперь происходитъ въ Россіи, есть одна изъ величайшихъ революцій; и революція эта не есть нѣкій бой между двумя паладинами — чернымъ и краснымъ, а нѣчто такое, что даже вообще подъ понятіе боя не совсѣмъ подходитъ. Революція — это взрывъ парового котла, и брызги летаютъ во всѣ стороны. Революція происходитъ не потому, что большинство русскаго населенія проштудировало книжку „Чѣмъ кто живетъ?“ или прослушало тотъ курсъ, который проходили пропагандисты съ рабо-

чими въ конспиративныхъ кружкахъ; если бы революція зависѣла отъ книжекъ и курсовъ, она бы никогда не произошла. Происходитъ революція оттого, что ослабѣвшій котелъ самодержавія разрывается парами народнаго озлобленія, подъ вліяніемъ голода тѣлеснаго и голода души, истомленной царствомъ плети и безправія. Говорятъ, что во время революціи, люди дѣлаютъ исторію — какая неправда! Напротивъ, никогда исторія не дѣлаетъ такъ безцеремонно то, что ей нужно, съ людьми, какъ во время революціи. Правда, весело бываетъ стремиться вмѣстѣ съ бурей, но не думайте управлять ею. Судьбы русскаго переворота такъ же мало зависятъ отъ распорядительности Витте, рѣшимости Ленина или Хрусталева, какъ и отъ мудрости и посредничества центральныхъ партій. Революція — это стихія, и она утихаетъ только тогда, когда всѣ борющіяся въ ней силы всласть передерутся, и одной изъ главныхъ силъ удастся либо уложить другую въ лоскъ, либо надолго ослабить. Насчетъ будущаго возложенъ общій прогнозъ, напр.: мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что Россія изъ революціи выйдетъ государствомъ европейскимъ, а не самодержавнымъ; но никто не можетъ сказать, въ какомъ году и мѣсяцѣ кончится русская революція. Ибо если одна изъ силъ и кажется ужъ совершенно истощенной, она можетъ вдругъ воспрянуть, такъ какъ никто не знаетъ скрытыхъ запасовъ борющихся силъ, меньше всего, можетъ быть, такъ называемые заправилы.

А покуда происходитъ русская революція, у насъ все время будетъ на лицо данныя для погромовъ самыя обширныя, погромовъ совершенно неожиданныхъ, въ родѣ октябрскихъ. Заѣзжайте въ любую деревеньку черты осѣдлости, и при томъ чуткомъ возбужденіи и растерянной озлобленности, которая окажется тамъ, растерянной, ибо не сопровождается достаточной сознательностью, — вы можете почти на пари устроить либо крестьянскій бунтъ, либо еврейскій погромъ; въ сущности и то и другое есть революція. — Въ городѣ условія измѣняются въ сторону большей сознательности, но зато и антисемитизмъ тамъ зрѣлѣе и принимаетъ экономическую окраску.

И потому, будьте всегда готовы! Знайте, что чѣмъ царизмъ будетъ слабѣе, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ норовить устраивать погромы. Чѣмъ выше волны

подъема, тѣмъ глубже пропасть между волнами, въ которую можетъ полетѣть корабль. Чѣмъ чаще и выше темпъ революціи, тѣмъ необходимѣе намъ быть всегда на готовѣ, чтобы не оказаться застигнутыми врасплохъ. Отряды, борющіеся съ царизмомъ, должны быть каждую минуту готовы бороться и съ громилами: во главѣ ихъ будутъ Каульбарсы и Нейдгарты, палачи, прилизанные на европейскій манеръ и совсѣмъ не прилизанные, а въ хвостѣ — всякіе охочіе люди.

Данныя для самообороны.

Когда-то, въ стародавнія времена, нашей еврейской тактикой противъ погромовъ было непротивленіе злу; теперь не противляться дѣйствительно съ достоинствомъ и вѣрой могутъ только глухіе и уже выжившіе изъ ума старички. У остальныхъ это выйдетъ только заячьей трусостью и заячьей безпомощностью. — Самооборона возникла послѣ кишиневскаго погрома. Мысль о ней складывалась впрочемъ уже много раньше.

Будущій историкъ нашей самообороны назоветъ первый ея періодъ наивнымъ... Наивна она была и по составу, и по оружію, и по пріемамъ дѣйствій. Не буду говорить объ оружіи, а коснусь состава и пріемовъ.

Говорилось то о самооборонѣ всѣхъ евреевъ противъ громилъ, а въ сущности дѣло шло о томъ, чтобы еврейство обороняли такъ называемыя молодыя силы: организованные рабочіе, учащаяся молодежь и т. д. У еврейскихъ мѣщанъ, читающихъ газеты и пописывающихъ въ оныхъ, составился даже нѣкій положенный разъ навсегда порядокъ погрома: начальство провоцируетъ, погромъ происходитъ, выступаютъ молодыя силы, для большого города въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ, съ плохимъ, купленнымъ на мѣдныя деньги оружіемъ, — ибо мѣщане давали мало, — дерутся храбро — и бываютъ побиты. Національная честь удовлетворена; посылается въ газету чувствительная корреспонденція съ восхваленіемъ молодыхъ силъ, читающая публика умиляется, — а деньги на самооборону даетъ все-таки пятаками, ибо полагается во всемъ на молодыя силы, а сверхъ всего на еще болѣе еврейское, чѣмъ русское: „авось“. Теперь въ Одессѣ, въ Кіевѣ и во всякихъ другихъ

мѣстахъ ясно для всякаго, кто имѣетъ уши и глаза, а не только одинъ фарисейскій языкъ, что никакія „молодыя силы“ еврейства защитить не могутъ. Отдѣльные отряды быстро разстрѣливаются войсками; нужна самооборона уличная и даже подворная и т. д.

Наивны были, какъ сказано, также пріемы, не только личный составъ самообороны. Я помню, что во время дѣлового разговора съ нѣкоторыми дѣйствующими, а не только болтающими людьми, меня мои собесѣдники увѣряли, что тактика самообороны должна быть слѣдующая: при встрѣчѣ съ толпой громилъ, нужно первымъ дѣломъ словесно попытаться обратить ихъ на путь истины, т. е. демонстраціи, а потомъ, если они окажутся жестоковыйны, стрѣлять сначала въ воздухъ, а потомъ уже въ толпу, да и то съ большой осторожностью — какъ бы не повредить слишкомъ рано. Это похоже на шутку, но право-же, совершенно серьезно обсуждался вопросъ: возможно ли обратить погромъ въ противоправительственную демонстрацію? Какъ извѣстно, пока еще никакому Овидію не удалось сочинить такой метаморфозы, а обратное, увы! случилось (въ Ѳеодосіи).

По поводу того, что во время житомірскаго погрома было убито 17 самооборонцевъ и ни одного хулигана, въ одной статьѣ во „Фрайндѣ“ слащаво и противно болталось о томъ, что еврейскія молодыя силы настолько, молъ, мягкосердечны, что хватаетъ ихъ только на то, чтобъ не давать громиламъ избивать своихъ евреевъ, но отнюдь не на то, чтобъ лишать жизни убійцъ. Впрочемъ, извѣстно, что дѣйствительно бравые самооборонцы свои заряды тратили въ воздухъ, въ то время, какъ громилы стрѣляли въ нихъ, старательно цѣлясь. Во время житомірскаго погрома оказалось, что провокаторская банда была и многочисленнѣе и лучше вооружена, и дисциплинированнѣе, чѣмъ самооборона. У громилъ имѣлись и сигнальные рожки, и электрическіе фонарики для дѣйствій ночью, и выработанный планъ дѣйствій (заманить нашихъ подъ гору, а самимъ съ горы ихъ разстрѣливать), — словомъ, все такія вещи, которыя нашимъ наивнымъ и милымъ людямъ и не снились никогда, не говоря уже о томъ, что и денегъ у нихъ на это не было. И это въ Житомірѣ, одной изъ самыхъ большихъ еврейскихъ общинъ въ Россіи!

Теперь эти наивные времена и пріемы прошли безвозвратно, положеніе слишкомъ ужасно: погромъ съ самаго начала уже угрожаетъ десятками и сотнями смертей, — всѣ понимаютъ, что мѣры должны быть приняты сразу самыя грозныя и рѣшительныя, какія только можно. A la guerre comme à la guerre: на войнѣ по военному! А погромъ есть теперь война, даже ужаснѣе всякой войны. Въ Одессѣ громилу или даже грабителя, носившаго еврейскую подушку, уже не пробовали раньше агитировать, а сразу же пристрѣливали; и совсѣмъ не столько изъ вражды, какъ, во-первыхъ, затѣмъ, чтобъ онъ, взявъ ножъ, черезъ часъ тебя самого или другого не зарѣзалъ; а во-вторыхъ, чтобъ въ эти дни и въ будущіе охочимъ людямъ не такъ повадно было насъ грабить и убивать.

На кого, кромѣ самихъ себя, мы можемъ разсчитывать во время погрома?

Въ газетахъ одно время много толковалось о городской милиціи; говорилось объ этомъ и въ вышеприведенной статьѣ „Фрайнда". Трудно себѣ представить большую обывательскую наивность, чѣмъ „городская милиція". Единственный примѣръ ея въ Россіи мы имѣли, кажется, въ Казани. Полиція была удалена съ улицъ, но не обезоружена; на тѣхъ углахъ, гдѣ обыкновенно красовались помощники приставовъ, оказались студенты, а пьяныхъ съ улицы, вмѣсто городовыхъ, поднимали, должно быть, организованные рабочіе. Такъ шло дѣло идиллически пару дней. Вдругъ кто-то выпустилъ въ городъ патріотическую манифестацію; патріоты стали грабить, а новая полиція ихъ унимать; тутъ выскочила старая полиція вмѣстѣ съ войсками и казаками, милиціонеровъ либо перестрѣляли, либо забрали въ плѣнъ — и казанская идиллія кончилась большой бѣдой. Мораль отсюда такая: городская милиція, состоящая изъ общественныхъ элементовъ, а не наемниковъ хотя бы на городской счетъ, будетъ возможна только тогда, когда въ ней нужды не будетъ, т. е. послѣ перехода войска на сторону народа и сверженія устраивающаго погромы царизма.

Данныя для самообороны теперь въ сущности очень благопріятныя. Такъ какъ погромы открыто вызываются правительствомъ и являются очевиднымъ актомъ контръ-революціи, то всѣ мыслящіе и борющіеся люди въ Россіи понимаютъ, что ударъ въ нашу грудь

направленъ въ то же время и противъ нихъ; потому, кажется, можно было бы ожидать самой широкой помощи отъ нихъ. Но на самомъ дѣло это не совсѣмъ такъ, и совсѣмъ не по недостатку благородства у этихъ людей, а по другимъ, болѣе вѣсскимъ причинамъ.

Защищать насъ приходится съ оружіемъ въ рукахъ. А либералы не дерутся съ оружіемъ и за свои собственные интересы — нельзя же съ нихъ требовать, чтобы они дѣлали больше для насъ, чѣмъ для себя. Сознательные революціонеры, интеллигенты и рабочіе защищаютъ насъ гдѣ могутъ и какъ могутъ такъ же мужественно и самоотверженно, какъ и мы сами; вопросъ не въ нихъ, но будетъ ли защищать насъ революціонная масса, которая, вѣдь, гораздо больше кадровъ революціонеровъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ вдуматься, изъ кого состоитъ революціонная масса.

Одно изъ положеній соціалдемократовъ требуетъ замѣны постояннаго войска народной милиціей. Народная милиція состоитъ изъ гражданъ, обученныхъ только первымъ ружейнымъ пріемамъ, но рядомъ съ ними долженъ быть постоянно пополняемый и нарочито содержимый штабъ хорошо образованныхъ офицеровъ, который не сразу импровизируется, а подготовляется исподволь въ мирное время для того, чтобъ во время войны стать во главѣ импровизированныхъ полковъ и руководить ими. Такова и армія русской революціи. Въ мирное время, которому тутъ соотвѣтствуетъ время нелегальной дѣятельности при разныхъ Плеве и Сипягиныхъ, приготовлялся, во-первыхъ, штабъ партійныхъ людей, правда, сравнительно немногочисленныхъ, но умѣлыхъ. Рядомъ съ этимъ обучалась элементарнымъ военнымъ пріемамъ революціонная милиція: практически на массовыхъ стачкахъ; словесно — посредствомъ разныхъ прокламацій, листковъ и т. д. Но вотъ наступила революція на яву и выдвинула въ поле не только кадры обученныхъ первымъ пріемамъ, но и совершенно необученныхъ. У революціи оказалось достаточно офицеровъ, и то, что раньше таилось въ дырахъ подпольевъ, вылилась вдругъ гигантской лавиной на улицу, въ широкую жизнь. Но милиція все-таки не регулярное войско (примѣромъ регулярной революціонной арміи могла бы служить соціалдемократія въ Германіи); главарь до тѣхъ поръ

командуетъ милиціей, пока дѣлаетъ то, что соотвѣтствуетъ ея интересамъ, какъ она ихъ понимаетъ, и ея настроенію; но онъ не всегда можетъ быть увѣренъ въ ней, не будемъ же слишкомъ увѣрены и мы.

Не будемъ себя обманывать: если бы громилами были дѣйствительно одни хулиганы, т. е. люди, не только еврею, но и всякому мирному жителю враждебные и противные, то дѣло было бы гораздо проще; но разъ громилами могутъ оказаться люди всяческіе, то это значитъ, что отъ русскаго рабочаго потребуется, чтобъ онъ для нашей защиты побилъ или убилъ человѣка, съ которымъ онъ, можетъ быть, за однимъ станкомъ работалъ. А это штука очень трудная; и намъ не легко бить, тѣмъ болѣе ему. Вотъ почему христіане такъ часто бываютъ склонны къ попыткамъ примиренія и уговариванія: таковъ Блиновъ въ Житомірѣ, таковы желѣзнодорожники въ Одессѣ.

Въ самомъ разгарѣ революціонной борьбы намъ приходится иной разъ вдругъ отбиваться отъ массы, которую мы раньше склонны были считать потенціально благопріятной, если не себѣ, то дѣлу освобожденія, которое намъ дорого; массы, которой мы сочувствовали, ибо и она тоже угнетена и порабощена. Въ эти трагическіе моменты борьбы на два фронта — противъ правительства и отчасти противъ народа, намъ могутъ помочь лишь либо люди настолько сознательные, чтобъ пожертвовать личными привязанностями, либо люди высоко настроенные.

Говорятъ, что во время революціи одинъ день даетъ больше сознательности массѣ, чѣмъ цѣлый годъ въ обычное время. Это неправда. Если въ бурное время обнаруживается сознательность тамъ, гдѣ ея не ждали это значитъ, что она и раньше тамъ была, только въ скрытомъ видѣ, а не выросла вдругъ, какъ лопухъ подъ дождемъ. То, что въ самомъ дѣлѣ нарастаетъ во время революціи не по днямъ, а по часамъ — это настроеніе массы, то возвышающееся до высокихъ степеней героизма и великодушія, то уклоняющееся въ сторону величайшей жестокости и безчеловѣчія, а то и падающее до безсилія и апатіи.

Отсюда заключеніе, что на сознательность массы намъ разсчитывать нечего, а настроеніе есть дѣло невѣрное. И полагаться приходится главнымъ образомъ и почти единственно только на себя.

Что-же намъ дѣлать для обороны?

Раньше, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ отвѣтить на другой: что намъ можетъ дать самооборона?

Самооборона отнюдь не можетъ насъ совершенно избавить отъ зла, причиняемаго погромами; она можетъ только уменьшить зло отъ погромовъ, затѣмъ сдѣлать нанесеніе этого зла менѣе пріятнымъ для громилъ, отъ Нейдгартовъ до Васьки Небося, и такимъ образомъ отваживать ихъ отъ подобной дѣятельности.

Задачи самообороны во время погрома могутъ быть различныя, сообразно съ временемъ и мѣстомъ. Во-первыхъ, ея задачей можетъ быть предупрежденіе погрома; т. е. лишь только громилы начали пошаливать и не успѣли разгорячиться и привлечь къ себѣ большую массу, раскассировать толпы ихъ большимъ напоромъ собственной силы. Затѣмъ, когда погромъ уже разлился по городу, задачей самообороны должно быть — не пускать его въ дворы и дома; если же и это не удастся, то ожесточенно оборонять каждый домъ, каждый дворъ.

Для первой задачи больше всего подходитъ такъ называемая партійная самооборона, т. е. отряды, состоящіе изъ организованныхъ рабочихъ и входящей въ составъ партій интеллигентной молодежи. Люди мужественные, привыкшіе къ дисциплинѣ, сколько-нибудь вооруженные, помимо самообороны, уже и для собственныхъ партійныхъ цѣлей, не связанные съ опредѣленной улицей и привыкшіе жертвовать собой для собственнаго дѣла — они тутъ наиболѣе у мѣста.

Но, положимъ что эта первая задача, подавить погромъ въ корнѣ, не удалась. Отрядамъ все-же легко нѣсколькими залпами въ воздухъ или въ толпу разогнать любое число штатскихъ громилъ, хотя бы вооруженныхъ. Если самооборона вооружена добросовѣстно, а не бутафорской дрянью, то ей удастся перебить или разогнать и полицейскихъ съ ихъ крупнокалиберными и дальнобойными револьверами. Можно смять и патруль солдатъ, но съ большимъ количествомъ ихъ не справишься въ открытомъ бою.

Итакъ, погромъ, и притомъ погромъ съ помощью и участіемъ войскъ начинаетъ разливаться по улицамъ. Онъ идетъ одновременно во многихъ мѣстахъ. Какъ во время пожара при сильномъ вѣтрѣ, искры его разсыпаются по всему городу и всюду зажигаютъ пламя; начинаютъ дѣйствовать не только полицейски-организованныя, но и полиціей возбужденныя или просто охочія до грабежа и преступнаго озорства толпы. Пожаръ возникаетъ повсюду. Даже трудно опредѣлить главное направленіе вѣтра. Какъ тушить?

Можно защищать улицы баррикадами. Хорошая баррикада, устроенная изъ газетныхъ кіосковъ или вагоновъ конки, наполненныхъ камнями, не сразу спасуетъ даже передъ артиллеріей. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось ни наблюдать ни изучать вблизи подобнаго способа самообороны, и я ничего не могу сказать о немъ, хотя, конечно, отнюдь не отвергаю его принципіально. Напротивъ, какъ средство сильнодѣйствующее и для противной стороны хлопотное, баррикады очень и очень допустимы. Если онѣ и будутъ разрушены артиллеріей и улицы, обставленныя ими, разгромлены, то и тогда польза отъ нихъ можетъ быть велика: онѣ отвлекутъ погромъ отъ десятка другихъ улицъ, сосредоточивъ на себѣ главныя силы врага; онѣ, кромѣ того, наведутъ панику на то христіанское населеніе, что къ полиціи неприкосновенно, и заставятъ его сидѣть по домамъ и не прельщаться добычей. Судя по промелькнувшимъ въ газетахъ извѣстіямъ, единственный случай, когда при самообороне были пущены въ дѣло баррикады, былъ въ Екатеринославѣ на Чечелевкѣ. Частичная желѣзнодорожная забастовка не позволила мнѣ заѣхать туда и поучиться у екатеринославцевъ.

Но есть другой способъ защищать улицы, способъ, болѣе легкій, болѣе доступный и, пожалуй, болѣе дѣйствительный. Этотъ способъ, кромѣ того, уже примѣняется не разъ почти въ полной мѣрѣ, правда, не сознательно организовано, а инстинктивно. Представьте себѣ, что на улицѣ, которая ждетъ погрома, дежуритъ отрядъ, вооруженный револьверами, топорами, оглоблями и даже палками и сѣкачками. Вотъ является стадо штатскихъ громилъ; отрядъ, озлобленный и чувствующій, что дѣло идетъ о жизни и смерти, быстро отбрасываетъ это стадо. Являются по-

лицейскіе; при хорошемъ оружіи и съ ними нетрудно справиться. Войско можетъ и не придти, ибо только сумасшедшій оберъ-громила можетъ позволить своимъ войскамъ растечься мелкими отрядами по всѣмъ улицамъ такого большого города, какъ, напр., Одесса или Вильна; особенно, если городъ вооруженъ. Мелкіе же отряды возможно смять и уничтожить, несмотря на ружья. Но положимъ, что войско явилось; за нимъ громилы, надѣющіеся пограбить и поубивать подъ его охраной и наблюденіемъ. Тогда уличный отрядъ расплывается по домамъ и квартирамъ. Дома забаррикадированы; люди не прямо запрятались на четвертый этажъ или на чердакъ, а заставивши лѣстницы, входы, затаившись при нихъ въ укромныхъ мѣстечкахъ, приготовили не только достаточное количество зарядовъ, но и горячую воду, сѣрную кислоту и т. д.; эти люди намѣрены отдавать только исподволь этажъ за этажомъ, покуда не доберутся до чердака. Теперь посмотримъ, что будетъ:

Эти люди собрались для обороны, поэтому они ничѣмъ войскъ на бой не вызываютъ, изъ оконъ не стрѣляютъ, а сидятъ смирно и чутко, и ждутъ что будетъ. Теперь предположимъ, что несмотря на это войско все-таки начинаетъ обстрѣливать домъ ружейнымъ огнемъ. Но отъ этого горя мало: этотъ ружейный огонь снаружи, рѣдко кому повредилъ въ Одессѣ — каменныя стѣны являются отъ него весьма надежнымъ прикрытіемъ, а окна можно либо заставить, либо держаться подальше отъ нихъ. Но не станетъ ли войско лѣзть во внутрь дома при такихъ условіяхъ? Наврядъ-ли. Даже въ Одессѣ войско мало врывалось въ дома, а ограничивалось обстрѣливаніемъ нхъ снаружи въ то время, какъ громилы внутри убивали. Кстати, это доказываетъ, какъ мало дѣйствителенъ огонь снаружи, такъ что даже громилы его не боялись, ибо пуля, залетая во внутрь, не разбирала же лица. А между тѣмъ дома въ Одессѣ забаррикадированы не были.

Но не залѣзутъ ли все же солдаты въ забаррикадированный домъ? Трудно допустить. Внутри дома, при близости разстоянія, солдатское ружье стоитъ не больше браунинга, а солдатскій штыкъ немного больше оглобли; кромѣ того, браунингомъ легче повернуться. Кромѣ того, самооборона будетъ бить изъ засадъ и сверху, зная всѣ выходы и проходы, прикрываясь

баррикадами, въ то время какъ солдатамъ придется брать ихъ. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ начальство никогда не рѣшается брать дома приступомъ, а разстрѣливаетъ ихъ артиллеріей. Съ артиллеріей, конечно, дѣло плохо; но если такіе случаи будутъ не единичные, а будутъ встрѣчаться сотнями въ громимомъ городѣ, то предержащія власти въ чаяніи подобной перспективы семь разъ отмѣрятъ раньше чѣмъ отрѣзать и рѣшиться на подобное предпріятіе.

Но, вѣдь, это почти вооруженное возстаніе? Да, не только „почти", но даже вполнѣ вооруженное возстаніе, только съ цѣлями не наступательными, а оборонительными. И ничего другого быть не можетъ. Разъ погромъ является въ настоящее время кровавымъ актомъ контръ-революціи, то самообороне волей-неволей приходится стать кровавымъ актомъ революціи, т. е. рода вооруженнымъ возстаніемъ.

Но, вѣдь, это ужасно! Это повлечетъ за собой тысячи жертвъ! А не будутъ ли эти жертвы и безъ интенсивной самообороны, только побитыя не шрапнелью, а дубовыми ножками столовъ? Раньше мы имѣли погромы совсѣмъ безъ человѣческихъ жертвъ, только съ одними растерзанными подушками и перинами; потомъ пошли погромы съ десятками жертвъ; послѣдняя серія погромовъ давала уже сотни жертвъ въ одномъ городѣ — будущая волна погромовъ не принесетъ ли намъ эти тысячи, даже при примѣрно скромномъ поведеніи съ нашей стороны?

Но не вызоветъ ли это со стороны начальства и населенія еще большую злобу противъ насъ? О люди, люди! Какъ трудно даже кровавымъ урокомъ выбить филистерскую глупость изъ вашихъ головъ! Вѣдь, дѣло идетъ о томъ же, о чемъ толковали два пріятеля, проходя по мосту мимо злой собаки. Одинъ говоритъ: „нужно пройти смирнехонько, чтобы собака не тронула." А другой говоритъ: „лишь только она начнетъ зубами ляскать, нужно ее тотчасъ же треснуть палкой, чтобы за икру не схватила". Насъ кровавая собака не только за икру, но и за глотку хватала, а филистеры все еще разсуждаютъ: нельзя ли ублаготворить собаку смиренствомъ или дачей ей умѣренной порціи палокъ, а не чрезвычайной?

Но, можетъ быть, не войско, а такъ называемые хулиганы полѣзутъ въ домъ? Ну, тогда милости про-

симъ! Небось, назадъ полетятъ не безъ ущерба и другимъ закажутъ... Обыкновенно дѣло такъ и выйдетъ: сначала полѣзутъ громилы, а потомъ при ихъ неудачѣ станетъ дѣйствовать войско. Но что же тогда громиламъ достанется въ смыслѣ выгоды? По крайней мѣрѣ хоть чистенькія дѣвицы, которымъ желательно сграбить машинку, предпочтутъ при такихъ страстяхъ сидѣть дома. А элементъ такихъ дѣвицъ, а также мужчинъ, имъ подобныхъ, весьма великъ во время погромовъ.

Но, повторяю, я думаю, что при интенсивной системѣ обороны въ видѣ баррикадъ или укрѣпленныхъ домовъ, на большинствѣ улицъ войско не покажется, ибо будетъ сильно занято. Погромныя задачи, такъ сказать, у войска отступятъ передъ задачами водворенія порядка? И на большинствѣ улицъ отрядамъ самообороны придется вѣдаться только съ громилами, и они сумѣютъ отбить ихъ, какъ отбили на Болгарской и Госпитальной улицахъ въ Одессѣ.

Но, вѣдь, это все, скажутъ, писано про мѣста, гдѣ много евреевъ. Какъ же быть въ какомъ-нибудь Саратовѣ, гдѣ мало евреевъ? Увы, для этихъ несчастныхъ дѣйствительно средствъ не видно; имъ остается только давать совѣты предохранительные, да и то весьма неважные, вродѣ отсылки женъ и дѣтей въ мѣста болѣе еврейскія, и т. д. Но какъ повліяютъ на ихъ судьбу, и не только на судьбу ихъ, но и сотенъ тысячъ евреевъ, разсѣянныхъ по мѣстечкамъ и деревнямъ, слухи о радикальныхъ мѣрахъ, принятыхъ самообороной? Нельзя знать заранѣе, а скорѣе всего повліяютъ въ хорошемъ смыслѣ. Доселѣ насъ били, потому что не боялись и считали, что это дѣло легкое и пріятное; теперь положеніе нѣсколько измѣнилось. Недавно одинъ старый добродушный крестьянинъ сказалъ мнѣ: „Что дѣлать? вы насъ боитесь, а мы васъ боимся. Слышь, левольверы и бомбы у васъ!“ Возможно, что если мы себя больше покажемъ, насъ начнутъ нѣсколько больше бояться и уважать и не такъ легко рукамъ воли давать. Вообще еще большой вопросъ, будутъ ли насъ больше бить потому, что это легко, или зато, что мы строптивѣе стали? Отвѣтъ филистера всегда будетъ склоняться въ сторону непротивленія, ибо такой уже у него характеръ, а ребята теплые отвѣтятъ иначе.

Изъ кого же будутъ состоять уличные отряды? Конечно, не изъ однихъ партійныхъ людей; этихъ на каждую улицу хватило бы по парѣ. Эти отряды должны, прежде всего, состоять изъ мѣстныхъ людей той же улицы, какъ это было на Болгарской, на Госпитальной, на Малой Арнаутской, на Канатной, какъ были мѣстными и теплые ребята съ Большой Арнаутской и т. д. Эти люди должны быть вооружены на собственныя средства, на деньги, собранныя съ той же улицы; но гдѣ же, скажутъ сердобольные плаксы, возьмешь деньги на улицахъ, населенныхъ еврейской бѣднотой? На это можно отвѣтить, что какъ ни скверно положеніе нашихъ трудящихся массъ, тѣмъ не менѣе при извѣстныхъ условіяхъ револьверъ становится имъ, по собственному убѣжденію, нужнѣе вина на Пасху, а этого ужъ у какого еврея не бываетъ?

Конечно, однако, въ случаѣ нужды улицамъ должны быть даны деньги и изъ общихъ суммъ самообороны. И не это одно имъ должно быть дано: долженъ быть посланъ понимающій человѣкъ, который научилъ бы ихъ, какое оружіе покупать; а если оружія купить негдѣ, то должно быть доставлено и само оружіе, путями, доступными уже только большой и центральной организаціи. Долженъ быть командированъ инструкторъ, который показалъ бы, какіе дома забаррикадировать и какъ это сдѣлать. Вмѣстѣ съ инструкторомъ долженъ быть обсужденъ вопросъ, куда дѣть женщинъ и дѣтей, въ забаррикадированные ли дома, или незабаррикадированные — это иной разъ можетъ оказаться и лучше, и хуже, сразу этого вопроса не рѣшишь; свести ли женщинъ и дѣтей въ одно мѣсто или отдѣльно, и т. д.

Уличному отряду на время погрома можетъ быть посланъ и руководитель, который командовалъ бы имъ, конечно, если отрядъ этого требуетъ. Должна быть улицамъ дана еще и организація. Долженъ быть составленъ общій „комитетъ улицъ“, состоящій изъ представителей всѣхъ уличныхъ отрядовъ, вѣдающій распредѣленіе оружія и денегъ, и обезпечивающій тѣсную связь съ другими организаціями самообороны даннаго города (напримѣръ, боевыми отрядами партій). Этотъ комитетъ долженъ выдѣлить изъ себя нѣчто вродѣ исполнительной комиссіи, которая бы всегда оставалась при дѣлѣ; которой можно

было бы сообщать тревожныя вѣсти для того, чтобы она созвала комитетъ и поставила на ноги весь городъ, къ которой можно бы обратиться за покупкой оружія, за какой-нибудь справкой и т. д.

Кто долженъ быть иниціаторомъ этого комитета? Могутъ быть люди разные, у которыхъ хватитъ иниціативы, смѣлости, выдержки и авторитетности, чтобы совершить это дѣло; могутъ быть люди разныхъ партій или сами партійныя организаціи, имѣющіяся въ городѣ. Но образованные тѣмъ или инымъ способомъ комитеты уличной самообороны должны, конечно, сами по себѣ ужъ быть внѣпартійными*).

Странно сказать, такое, кажется, очевидное положеніе встрѣчаетъ возраженія и сопротивленіе. Мы додумались, наконецъ, до внѣпартійныхъ профессіональныхъ союзовъ, даже до внѣпартійныхъ Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ. Почему же намъ не допустить внѣпартійнаго „комитета улицъ"? Русскіе партійные люди сумѣли устроить даже такую щекотливую штуку, какъ непартійный Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, рѣшивъ, что если онъ и внѣпартіенъ, то въ то же время въ достаточной мѣрѣ общепартіенъ и всѣмъ одинаково важенъ и нуженъ; точно такъ же поняли они, что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ открываетъ достаточное поле для агитаціи всѣхъ революціонныхъ партій, при чемъ, конечно, эта борьба за то: — чья возьметъ? — не должна дойти до того, чтобы Совѣтъ разорвался. Такъ дѣлаютъ умные и и тактичные люди. А мы, евреи, рѣдко даже гдѣ могли додуматься до соединеннаго комитета самообороны въ то время, когда ножъ уже лежалъ на шеѣ. Въ это время мы ссорились за разныя мелочи, за

---

*) Считаемъ нужнымъ оговорить, что внѣпартійный комитетъ самообороны во всякомъ случаѣ не можетъ быть уподобленъ комитету внѣпартійнаго профессіональнаго союза, гдѣ партіи, какъ таковыя, не должны имѣть своихъ представителей. Роль рабочей партіи въ самообороне слишкомъ велика и отвѣтственна для того, чтобы она могла отказаться отъ извѣстной доли вліянія на руководство этимъ дѣломъ. Въ соединенный комитетъ самообороны обязательно должны войти уполномоченные представители участвующихъ партій.

Внѣпартійность-же самаго учрежденія должна выражаться въ томъ, что наряду съ представителями партій въ соединенный комитетъ входятъ также представители уличныхъ организацій, не пріуроченныхъ къ той или иной партіи.

Примѣчаніе Комитета.

вопросъ, кому выше сѣсть, какъ въ крыловскомъ квартетѣ, — обо всемъ помнили, только о дѣлѣ забывали.

Странно, какъ, напримѣръ, евреи-революціонеры не понимали, что дѣло самообороны — дѣло въ то же время общереволюціонное, разъ погромъ является актомъ контръ-революціи и что успѣхъ еврейской самообороны — вопросъ небезразличный для судебъ самой русской революціи. Люди, желающіе распространенія идей своей партіи, не понимали, что не дешевые отчеты съ припѣвомъ: мы, молъ, пахали, а, можетъ быть, гораздо больше вопросъ о томъ, какъ серьезно данная организація отнеслась къ вопросу объ оборонѣ народа — приведетъ къ увеличенію авторитетности и вліянія этой партіи у народа. Люди, требующіе созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго и т. д. избирательнаго права, забывали, что вскорѣ вліяніе какой-нибудь партіи, въ еврейской улицѣ, будетъ измѣряться не числомъ пощечинъ, нанесенныхъ штрейкбрехеру, а числомъ избирательныхъ записокъ въ урнѣ; и на рѣшеніе народа о томъ, кому отдать свои голоса, очень повліяютъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ наблюденія тактики партійныхъ организацій въ грозное время погромовъ.

Вопросъ объ уличной подворной самооборонѣ теперь у всѣхъ на устахъ на всемъ разгромленномъ югѣ: и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и т. д. Всѣ понимаютъ, что партійная самооборона недостаточна и что нужно организовать что-то новое. Но дѣлается ли что-нибудь для этого? Не знаю, какъ въ другихъ городахъ, но въ Одессѣ, въ то время, когда я тамъ былъ, еще ничего сдѣлано не было. Какъ и во всей Россіи, много толковалось о профессіональныхъ союзахъ: быть ли имъ партійными или нѣтъ? и, кажется, центромъ дискуссій былъ союзъ модистокъ. И о модисткахъ въ революціонныхъ партіяхъ больше толковалось, чѣмъ о самооборонѣ; а между тѣмъ каждый день ожидали новаго погрома.

Ѣду я разъ въ Одессѣ по конкѣ съ однимъ своимъ товарищемъ, — котораго я лично весьма уважаю, — вліятельнымъ членомъ одной мѣстной еврейской революціонной организаціи, тоже заслуживающей уваженія. Ѣдемъ мы, а рядомъ съ нами сидитъ молодой человѣкъ, у котораго убили отца и смертельно

ранили брата. Сидитъ и вретъ: о томъ, что онъ-де двухъ околодочныхъ надзирателей подстрѣлилъ и т. д. Впрочемъ, такіе случаи бывали. То, что молодой человѣкъ вралъ, было, конечно, очень нехорошо, но дѣлалъ онъ это съ хорошей цѣлью. Онъ принялъ меня съ товарищемъ за какихъ-то вліятельныхъ эмиссаровъ отъ самообороны. Жилъ онъ на Слободкѣ, и ему хотѣлось получить отъ насъ десятокъ револьверовъ для тѣхъ евреевъ, которые еще съ Слободки не удрали, тѣмъ болѣе, что тамъ опять ожидали погрома: мѣстный оберъ-убійца эксъ-поваръ Коллоли собирался молебенъ устроить при участкѣ; а чѣмъ такіе молебны чреваты, извѣстно всякому.

— Ну что? — обратился я къ моему пріятелю на ушко — вы доставите имъ эти револьверы?

— Да гдѣ ужъ намъ! — былъ отвѣтъ. — Вѣдь, ты знаешь, какія у насъ средства и сколько разныхъ дѣлъ!

Должно быть думалъ о предстоящихъ хлопотахъ по организаціи модистокъ, забывши, что ихъ, пожалуй, изнасилуютъ и вырѣжутъ при ближайшемъ погромѣ ранѣе, нежели партія успѣетъ ихъ и сорганизовать.

Кстати, я долженъ замѣтить, что въ народѣ существуетъ легенда о томъ, что имѣется-де нѣкая общеевреейская организація самообороны, и мнѣ не разъ приходилось попадать не въ свои сани, меня принимали за агента ея. Бѣдные, наивные, здравомыслящіе люди! Они не знали, что хитроумные партійные коноводы не догадались еще столковаться объ этомъ и что ничего подобнаго нѣтъ.

А, впрочемъ, возможно, что теперь, черезъ нѣкоторое время послѣ моего отъѣзда, въ Одессѣ кой-что уже сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Говорятъ, что ударъ въ лобъ проясняетъ мысль; насколько мнѣ извѣстно, ударъ въ затылокъ дѣйствуетъ еще болѣе прояснительно. Мы теперь получаемъ столько ударовъ и въ лобъ, и въ затылокъ, что, кажется, мысли должны проясниться въ самыхъ оказённившихся мозгахъ. Я думаю, что дѣло внѣпартійной самообороны будетъ сдѣлано, и никакая свара не остановитъ его, ибо все же и въ нашихъ партійныхъ людяхъ есть любовь къ дѣлу и отчаиваться найти въ нихъ серьезное отношеніе къ нему, рано еще.

Поясню теперь примѣромъ, какъ я представляю себѣ организацію самообороны въ какомъ-нибудь городѣ.

Но раньше кончу о комитетѣ улицъ. Кстати, то, что я говорю объ этомъ органѣ, есть не совсѣмъ мечта, а извѣстнымъ образомъ уже осуществлено въ одномъ городѣ.

Дѣйствія комитета находятся на той демаркаціонной линіи, которая отдѣляетъ движеніе открытое отъ конспиративнаго: болѣе или менѣе открыта организаціонная часть, совершенно конспиративна техническая. Конечно, не на конспиративной квартирѣ, а открыто въ синагогѣ происходятъ выборы делегатовъ въ комитетъ улицъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что наши евреи, понимая серьезность дѣла и зная, что полиціи въ ротъ пальца класть не слѣдуетъ, вообще достаточно, а иной разъ ужъ слишкомъ конспиративны.

Засѣданія комитета не могутъ происходить уже въ синагогѣ, а лишь на квартирѣ, куда въ тотъ вечеръ постороннихъ гостей приглашать не будутъ. Что касается складовъ оружія, то они могутъ быть извѣстны только одной исполнительной комиссіи.

Въ комитетѣ будутъ участвовать люди всякихъ партій, либо избранные отъ улицъ, либо даже спеціально делегированные спеціальнымъ городскимъ комитетомъ партій. И если эти люди не будутъ спорить о томъ, кому выше сѣсть, а дѣло дѣлать, то естественно, именно они попадутъ въ исполнительную комиссію. А этимъ людямъ конспирировать и организовывать — дѣло привычное.

Конечно, первую роль будутъ играть члены революціонныхъ рабочихъ партій, ибо, во-первыхъ, дѣло самообороны есть дѣло одной своей стороной революціонное, а во-вторыхъ, люди этихъ партій ближе къ массѣ и болѣе умѣлы, какъ по организаціонной, такъ и по технической части.

Если вы бросите въ массу идею дѣйствительной самообороны собственной рукой и грудью (а не обороны налетной: придутъ, молъ „молодыя силы“ и защитятъ васъ, то не бойтесь — эта идея не заглохнетъ, до того она цѣлесообразна. Если даже въ первый разъ будутъ избраны делегаты не очень удачные, то на третьемъ или четвертомъ засѣданіи ихъ уже не будетъ — ихъ мѣсто заступятъ новые. Старые

либо сами отретируются, либо будутъ удалены массой, чьи порученія они неудачно исполнили. — Поощряйте самодѣятельность; пусть люди сами на своей улицѣ собираютъ деньги или дѣлаютъ раскладку; пусть, если можно, сами покупаютъ или дѣлаютъ себѣ оружіе, конечно, слѣдуя указаніямъ инструкторовъ, но не стремитесь слишкомъ всѣхъ приводить къ одному знаменателю: не бѣда, если будетъ особый типъ нагаекъ отъ какой-нибудь Госпитальной или кистеней отъ Канатной.

Не бойтесь и того особаго эгоизма, который неизбѣжно проявляется въ подобныхъ массовыхъ учрежденіяхъ; какой-нибудь, напр., особенно энергичный патріотъ своей улицы можетъ упорно требовать, чтобъ ему былъ посланъ на подмогу отрядъ изъ какой-нибудь партійной боевой дружины. — Подобный эгоизмъ показываетъ только, что затронуты дѣйствительные и серьезные интересы, и совсѣмъ не исключаетъ ни чувства справедливости ни товарищества. Каждый имѣетъ право требовать себѣ чѣмъ больше, но всѣ вмѣстѣ обсудятъ дѣло и распредѣлятъ выгоды уравнительно. Даже неорганизованная уличная самооборона могла бросаться со своей Госпитальной на Чумку, или ходить патрулировать на Среднюю. Если люди много требуютъ, то значитъ они находятъ, что есть цѣнное и достойное требованія, и, значитъ, они могутъ многое и дать.

На организаціи каждой улицы должно быть первымъ дѣломъ возложено самое тщательное патрулированіе при малѣйшей тревогѣ. Въ патрулированіи можетъ принимать участіе даже больше людей, чѣмъ въ вооруженномъ уличномъ отрядѣ. Въ послѣдній включаются люди, способные носитъ оружіе, а патрулировать могутъ даже женщины. Уличныя организаціи могутъ сдѣлать то, чего никогда не достигнутъ партійныя: онѣ могутъ патрулировать цѣлыми недѣлями, устраивая десятки смѣнъ, такъ что каждому придется ходить только разъ въ недѣлю. Ходятъ съ потайнымъ электрическимъ фонарикомъ для того, чтобы можно было посмотрѣть ночью какому-нибудь подозрительному прохожему прямо въ лицо. Такое патрулированіе, для массоваго еврея дѣло не совсѣмъ необычное; въ мѣстечкахъ иной разъ патрулируютъ цѣлые мѣсяцы, оберегая отъ пожаровъ. И это будетъ своеобразная собственная городская милиція, бдитель-

ная, какъ никакая другая, ибо охраняется собственная улица, милиція, съ одной стороны открытая и широкая, съ другой стороны конспиративная. По собственной практикѣ могу сказать, что бдительнѣе подобныхъ патрулей и пожелать нельзя.

Патрули одной улицы сходятся съ патрулями сосѣдней и такъ до самаго центра; въ случаѣ тревоги можетъ быть мгновенно поднятъ на ноги весь городъ.

Уличнымъ организаціямъ можно поручить патрулированіе и болѣе тонкаго свойства: слѣдить каково настроеніе христіанскаго населенія? Не предпринимаетъ ли чего полиція на окраинахъ? Нѣтъ ли зловѣщихъ слуховъ? Не явилось ли откуда подозрительныхъ людей, подстрекающихъ народъ или норовящихъ сами пограбить? Можетъ, правда, выйти иногда и тревога напрасная, но это не бѣда; гораздо хуже, чѣмъ оторопь, когда бѣда стряслась неожиданно.

Если въ какомъ-нибудь городѣ не удастся устроить такъ, чтобы нѣсколько партійныхъ организацій стали работать совмѣстно, то пусть одна какая-либо партія возьмется за это дѣло сама. Но да не сдѣлаетъ она изъ него своей исключительной собственности, якобы для подъема вліянія. Ибо, смотря на нее, другія партіи станутъ дѣлать то же, и выйдутъ три комитета улицъ, конкурирующіе другъ съ другомъ и всѣ одинаково безсильные. А кончится дѣло тѣмъ, что простые люди съ окраинъ, увидѣвъ, что дѣло ведется не серьезно, разойдутся по домамъ.

А если никакая организація не берется за дѣло, то пусть дерзаютъ на него хоть просто партикулярные люди, смѣлые и богатые иниціативой. Пусть помнятъ, что смѣлымъ не только Богъ владѣетъ, но и чертъ ему потакаетъ.

Предположимъ, что проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ мирныхъ, комитетъ улицъ какъ бы замираетъ, члены не такъ охотно являются на засѣданія и т. д. Но не думайте, что комитетъ умеръ. При малѣйшемъ предчувствіи тревоги делегаты улицъ начнутъ сбѣгаться къ членамъ исполнительной комиссіи, насчетъ которыхъ предполагается, конечно, что люди болѣе серьезно относящіеся къ дѣлу и дѣйствующіе постоянно; или исполнительная комиссія, зная адреса делегатовъ, сумѣетъ созвать ихъ. И вотъ послѣ мѣсячнаго перерыва, когда комитетъ будетъ созванъ, вы не безъ удивленія узнаете, что одинъ делегатъ замѣненъ

другимъ, болѣе подходящимъ; что пріобрѣтена еще пара револьверовъ и т. д. Все это говорю не на основаніи психологическихъ выкладокъ, а по собственному опыту. Конечно, исполнительная комиссія должна и сама по себѣ, отъ времени до времени посылать людей въ улицы, навѣдаться, подтолкнуть если нужно, ободрить, напомнить, если что забыли.

Делегаты отъ комитета улицъ или исполнительной комиссіи его входятъ въ качествѣ членовъ въ Коалиціонный совѣтъ самообороны города. Коалиціонный совѣтъ составляется изъ этихъ представителей и делегатовъ еврейскихъ (о не-еврейскихъ будетъ рѣчь дальше) партій даннаго города, которыя могутъ выставить боевыя дружины. Этотъ Коалиціонный совѣтъ является высшимъ мѣстнымъ учрежденіемъ самообороны. Онъ производитъ сборы денегъ. На своихъ улицахъ, правда, произвели эти сборы уже уличныя организаціи, но, вѣдь, не по всѣмъ улицамъ основались же онѣ. Ихъ можетъ не оказаться на базарахъ, на улицахъ, заполненныхъ только лавками, такъ какъ тамъ нѣтъ почти осѣдлаго населенія; ихъ не будетъ также на центральныхъ улицахъ, населенныхъ богачами, такъ какъ имъ патрулировать не подъ стать. Коалиціонный совѣтъ, какъ учрежденіе достаточно авторитетное, можетъ употреблять и способы сбора денегъ: не подаянный сборъ въ шапку, платокъ или кружку, а хорошо знакомую всякому еврейскому обывателю общественную раскладку. Такъ достаются деньги на взятку губернатору и на другія нужныя дѣла: иниціаторы сбора раньше распредѣляютъ, сколько съ каждаго обывателя полагается по совѣсти и меньшимъ они не удовлетворятся. И хотя иниціаторы обыкновенно не располагаютъ никакими мѣрами понужденія, тѣмъ но менѣе только сотый не подчиняется раскладкѣ, хотя, можетъ быть, десятый и ворчитъ противъ нея. Конечно, условіе для этого — чтобы раскладка была сдѣлана болѣе или менѣе справедливо, а не съ плеча.

Собранныя деньги употребляются на усиленіе уличной самообороны, на укрѣпленіе боевыхъ отрядовъ партій и, главнымъ образомъ, на извѣстный фондъ оружія, которое никому не выдается, а конспиративно хранятся на случай погрома. Лучшимъ охранителемъ этого фонда можетъ явится исполни-

тельная комиссія комитета улицъ, такъ какъ предполагается, что въ нее входятъ иниціаторы этого комитета и слѣдовательно, люди наиболѣе спеціально отдавшіеся самообороне. Понятно, что каждая партійная организація, берущая пособіе отъ Коалиціоннаго совѣта, вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ на себя обязательство выставить въ бой извѣстное число людей и оружія.

Задача боевыхъ дружинъ партій не совсѣмъ сходна съ задачей уличныхъ отрядовъ. Эти дружины легче мобилизировать; въ случаѣ небольшой тревоги, напр., они могутъ быть сосредоточиваемы на конспиративныхъ квартирахъ на всякій случай, тогда какъ уличные отряды можно мобилизировать только въ случаяхъ крайнихъ. Эти дружины можно будетъ пускать первыми въ дѣло, и если не удастся задавить погрома въ корнѣ, то тогда онѣ расходятся по улицамъ и дерутся вмѣстѣ съ уличными отрядами.

Коалиціонный совѣтъ, состоящій изъ болѣе или менѣе постоянныхъ представителей, является какъ бы главнымъ штабомъ самообороны. Нечего смѣяться этому слову; на самомъ дѣлѣ, необходимо нужна постоянная штабная работа: выработка извѣстныхъ плановъ, подборъ оружія и т. д. Если въ городѣ образуется какой-нибудь финансовый центръ людей „изъ общества", который согласится помочь при сборѣ и раскладкѣ денегъ, то, конечно, и этотъ центръ, могущій быть очень полезнымъ, долженъ имѣть своего представителя въ К.-с., такъ какъ подобное представительство побудитъ центръ относиться къ дѣлу серьезно и дѣйствовать живѣе. Но вообще слѣдуетъ съ подобными „господами" держать ухо востро: иные изъ нихъ, если даже ужъ и сѣли на революціоннаго коня, все время пятятся къ хвосту; то же бываетъ и съ ихней самообороной. Какъ бы ни казались они ретивы, а вдругъ проскочитъ у нихъ мысль: а не слишкомъ ли много оружія приготовлено? не слишкомъ ли раздразнилъ начальство и гоевъ? и такъ далѣе по наклонной плоскости филистерства.

Я раньше нарочно выдѣлилъ вопросъ объ организаціяхъ не еврейскихъ, ибо хотѣлъ подчеркнуть принципъ національный, т. е., что дѣло нашей обороны есть прежде всего самооборона самихъ евреевъ во всемъ значеніи этого слова.

Не еврейскія организаціи, которыя пожелаютъ вступить съ нами въ союзъ, должны быть, конечно, встрѣчены съ распростертыми объятіями; они могутъ войти въ К. с. самообороны или нѣтъ — это вопросъ детальный. Но тѣмъ не менѣе должно сказать, что между нами и ними, — хотя бы делегатами ихъ являлись евреи, — могутъ иной разъ оказаться нѣкоторыя тренія отъ различія точекъ зрѣнія на дѣло. То, что для насъ является обороной всего еврейства отъ національнаго несчастія, для нихъ есть нѣчто другое: защита евреевъ революціонерами отъ темныхъ силъ реакціи. Для насъ всего важнѣе настроеніе и требованіе самихъ евреевъ; а для нихъ, при всей искренней предупредительности, такое обстоятельство можетъ оказаться, — въ отдѣльномъ случаѣ, не совсѣмъ важнымъ. Не желая пускаться въ далекія отвлеченія, укажу на случай, близко мнѣ извѣстный.

Происходитъ засѣданіе объединеннаго совѣта самообороны (потомъ, конечно, разлетѣвшагося). Представитель одной еврейской организаціи заявляетъ, что жители нѣкоей окраины очень тревожатся и требуютъ къ себѣ на ночь патрулей. И вотъ встаетъ представитель с.-р. и заявляетъ: „Мы, революціонеры, защищаемъ евреевъ и должны защищать ихъ, какъ находимъ всего цѣлесообразнѣе и раціональнѣе; и мы пошлемъ патруль, когда найдемъ это нужнымъ сами, а съ ихъ страхами считаться нечего,“ и т. д. — Это, конечно, мелочь и изъ-за патруля въ 10 человѣкъ дѣло не стало бы; но кто знакомъ съ практикой организаціоннаго дѣла, знаетъ также, какія недоразумѣнія и разногласія могутъ вырасти изъ подобныхъ мелочей, особенно въ боевое время, когда каждое слово и каждое дѣйствіе на счету. Поэтому, соединяясь съ не еврейскими организаціями, мы должны опредѣленно подчеркнуть нашу точку зрѣнія. За такую опредѣленность онѣ намъ будутъ только благодарны.

Что во время погрома необходимъ центръ, дѣйствующій сильно и дружно, это понятно всякому. Трудно себѣ даже представить, что было бы съ одесской самообороной, если-бы не было Коалиціоннаго Совѣта студентовъ, учрежденія, никогда не мечтавшаго о томъ, что ему придется заправлять защитой одесскихъ евреевъ, и никогда къ такой роли не

готовившагося. Но не во всякомъ городѣ есть университетъ и университетскія учрежденія.

Тактика самообороны не должна быть сантиментальна, а достаточно смѣла, рѣзка и рѣшительна. Конечно, суровость пріемовъ больше всего зависитъ отъ размаха погрома, а ему не мы задаемъ тонъ. Должно помнить задачу самообороны: отваживать добрыхъ и недобрыхъ людей отъ привычки грабить и убивать насъ. Дѣйствія самообороны должны произвести такой эффектъ, чтобы распространилось убѣжденіе, что ходить во время погрома на убійство и грабежъ евреевъ есть дѣло невыгодное, ибо легко можетъ стоить жизни. Конечно, человѣкъ, сграбившій всего навсего подушку или швейную машину, если разбирать дѣло по суду, еще смертной казни не заслуживаетъ, но, вѣдь, еще меньше заслужили ея ничего не грабившіе, наши семидесятилѣтніе старики и малые ребята и даже мы, грѣшные, находящіеся во цвѣтѣ лѣтъ, которымъ тоже не пріятно, когда ихъ устукиваютъ ножкой стола. Все это жестоко, но вообще же должно замѣтить, что какъ погромъ, такъ и самооборона суть штуки довольно скверныя, ибо дѣло идетъ о крови, крови и опять о крови. Что дѣлать? Не мы виноваты въ этихъ рѣкахъ крови.

Конечно, найдутся такіе люди, которые при семъ случаѣ заговорятъ о прощеніи, совѣстливости, разныхъ вѣчныхъ истинахъ, которыя мы знаемъ лучше ихъ. Я боюсь, что подобные болтуны найдутся даже среди нашихъ, среди евреевъ, ибо не одинъ изъ нашихъ евреевъ чаще всего становится глупъ, тупъ, и мерзокъ именно тогда, когда дѣло идетъ о еврейскихъ интересахъ.

Впрочемъ, насчетъ этихъ людей безпокоиться нечего. Если они евреи, то во время погрома они дадутъ взятку губернатору и спрячутся на чердакъ; если же не евреи, то закроютъ ставни и двери, какъ бы жидъ не забѣжалъ, и будутъ сочинять оду къ Добру или поэму на тему о страданіяхъ вѣчнаго народа, который благонравно даетъ себя рѣзать, какъ теленка.

Кромѣ соединенныхъ организацій самообороны въ каждомъ городѣ, должна еще быть общая междугородская, „національная“, областная, всероссійская, что-ли, организація самообороны. Слово „національная“ употребляется тутъ исключительно для обозна-

ченія объема дѣйствій и ни въ какомъ другомъ смыслѣ; оно даже не опредѣляетъ названія этого учрежденія.

Такой общій, національный центръ самообороны долженъ будетъ заниматься транспортировкой оружія, сборомъ денегъ заграницей и т. д.; его же задача разсылать своихъ агентовъ по городамъ для организаціи дѣла. Такіе агенты, спеціально отдающіеся дѣлу самообороны, должны имѣться въ распоряженіи не только у мѣстной самообороны, ибо дѣлать это дѣло съ кондачка, какъ оно теперь дѣлается, не годится. Означенному центру также подъ стать дѣлать вообще такія вещи, на которыя не хватаетъ силы и авторитета у отдѣльныхъ организацій.

Какъ образуется подобный центръ? Путемъ ли формальнаго соглашенія нѣсколькихъ партій между собой? Или, можетъ быть, съимпровизируется группа людей достаточно даровитыхъ, смѣлыхъ, богатыхъ связями и средствами, которые сразу станутъ въ центрѣ дѣла, а потомъ уже сойдутся съ партіями? Этого теперь не скажешь. Трудно даже предрѣшить, какой путь короче.

Мнимый коалиціонный центръ національной самообороны, который выпускалъ бы соотвѣтствующія бумажки за соотвѣтствующей печатью, организовать, конечно, не трудно, но зато и безплодно. Нѣчто такое мнимое было даже разъ осуществлено за границей. Было да сплыло.

Фактически подобнымъ центромъ сумѣетъ стать только учрежденіе, въ составѣ и дѣйствіяхъ котораго достаточно почувствуется общенаціональность его, т. е. отсутствіе партійной и мѣстной исключительности; затѣмъ, учрежденіе достаточно сильное, быстро и рѣшительно дѣйствующее; и только тогда, когда всѣмъ станетъ ясно, что у него за словомъ непремѣнно сейчасъ же слѣдуетъ дѣло.

Фактомъ изданія этой книжки и нѣкоторыми предпринятыми практическими шагами, Еврейская Рабочая Партія „Поалэ-Ціонъ“ беретъ на себя иниціативу организаціи подобнаго центра. Отъ того, какъ много протянется навстрѣчу этой иниціативѣ вѣрныхъ и сильныхъ рукъ, со стороны другихъ-ли партій или отдѣльныхъ энергичныхъ личностей и группъ, зависитъ дѣло образованія центра и всей организаціи національной самообороны.

Желательно было бы также, если условія будутъ благопріятными, создать спеціальный вѣстникъ или бюллетень, спеціально посвященный самообороне, въ которомъ бы помѣщались отчеты объ организаціи самообороны въ разныхъ мѣстахъ, статьи свойства техническаго и организаціоннаго и т. д.; разумѣется лишь постолько, поскольку возможно окажется безъ того, чтобы выдавать то, чего противнику знать не слѣдуетъ. Нелегко, конечно, подыскать достаточно дѣльныхъ и осторожныхъ людей, чтобы съ пользой и безъ вреда редактировать подобное изданіе.

— Ахъ, да, вѣдь, все это проекты! скажетъ иной скептически настроенный читатель, одолѣвши эту книжку. — На это отвѣчу, что каждый, кому случилось понюхать запаха крови и мертвечины, только всего и оставшейся отъ зарѣзанныхъ братьевъ, поневолѣ задумается надъ этими „проектами". Можетъ быть, онъ выдумаетъ что-нибудь лучшее, ну, тогда я первый ему союзникъ. — Кстати, все это есть проекты только для насъ, евреевъ, — у армянъ нѣчто подобное давно уже осуществлено.

MAR 18 1987

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
508
.42
O34
1906
c.1
ROBA

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 09 24 14 021 0